

Нурдаль Григ

ПОРАЖЕНИЕ

пьеса в четырех актах

Перевод с норвежского *В.Якуба* и *В.Батанина*

Комментарии *Вл.Матусевича*

Вступительная статья (биографический очерк) *Вл.Лидина*

Приведено по:

Н.Григ. Пьесы: Но завтра... Поражение

М.: «Искусство». 1960. 232 с. С.95-220, комм.221-224, 226-229.

Веб-публикация: *Vive Liberta*, 2011

к 140-летию Парижской коммуны

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Луи — столяр

Мари — его жена.

Брижо — купец

Хозяин кафе

Мартен — подмастерье лекаря.

Люсьен.

Полина.

Мишель — кучер.

Дети. Морис.

Ги.

Роза.

Габриэль Ланжевен — учительница

Пьер.

Мадам Лассаль — мать Пьера и Полины

Делеклюз — журналист.

Тьер — президент Франции.

Элиз — его жена.

Министр.

Офицер.

Католический священник

Пельрен

Брюнель } полицейские агенты.

Девушка.
 Капитан Национальной гвардии
 Архиепископ
 Маркиз де Плек — директор Государствен-
 ного банка Франции.
 Лаура — хозяйка публичного дома
 Варлен }
 Шульце } переплетчики.
 Инвалид войны
 Полковник Россель
 Беле — механик.
 Полицейский комиссар.
 Первая женщина.
 Вторая женщина.
 Риго }
 Рене Сегюр } медики.
 Мать Фелисите.
 Полицейский
 Гюстав Курбе
 Сюзанна — его натурщица.
 Дебрен — посланец Тьера
 Караульный офицер
 Господин.
 Дама
 Солдат Национальной гвардии
 Генерал Галифе
 Сильвия Жерар — балерина
 Лейтенант
 Седой мужчина.
 Рабочие, офицеры, солдаты Нацио-
 нальной гвардии, версальские сол-
 даты, женщины

ПЕРВЫЙ АКТ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Улица на Монмартре. Мартов-
 ский день 1871 года. По обе
 стороны сцены в оркестр ве-
 дут лестницы. Они являются
 как бы продолжением улицы,
 уходящей вниз Слева на сце-
 не — небольшое кафе, столи-
 ки вынесены на тротуар. Спра-
 ва — ломбард. Между домами
 улица ступеньками поднимает-
 ся вверх Справа, посреди
 улицы, — публичный дом.

Купец Брижо, лет пятидесяти, сидит за столиком кафе
 У ломбарда — длинная очередь. Внизу, на правой лестнице,
 вокруг водосточного канала — группа детей. Морис,
 мальчуган десяти лет, с удочкой Кучер Мишель, лет шес-
 тидесяти, терпеливо наблюдает за ним. Двое ребятшек
 девяти-десяти лет, Ги и Роза, время от времени загляды-
 вают вниз, затем опять погружаются в полудремоту. Моло-
 дой парень Пьер с апатичным видом лежит рядом. В глу-
 бине сцены, в полутьме, спит маленькая девочка Фели-
 сите. Все бледны, измучены, худы

На лестнице слева:

Молодой рабочий Луи и его жена Мари медленно подни-
 маются вверх

Луи (останавливается и смотрит на рубанок,
 который держит под мышкой). Нет, я не могу. Не
 могу заложить рубанок.

Мари У нас больше ничего не осталось. Луи.

Луи Тяжело было расстаться с пилой. Но рубанок — неужели ты не понимаешь?

Мари. Понимаю

Луи Подожди хоть один день. Может быть, завтра я получу работу.

Мари Ты это говоришь каждый день вот уже два месяца.

Луи. Но без рубанка мне конец. Никому не нужен рабочий без инструмента. Тогда мне уж не найти работы. Никогда!

Мари. Но мальчику надо сегодня поест. Будем ждать до завтра — спесем его на кладбище.

Сгорбленные, они поднимаются вверх и становятся в очередь у ломбарда

У кафе:

Брижо (*возбужденно, хозяину*). Вы ее не видели? Ее зовут Полина Лассаль, худенькая брюнетка, молоденькая, совсем еще подросток.

Хозяин. Как же, ее знает вся улица.

Брижо. Может быть, вы видели ее мать? Они обещали прийти сюда в четыре часа. Деньги забрали вперед. Не мешало бы им быть поаккуратнее.

В очереди:

Мартен, подмастерье пекаря, оборачивается к Мари и Луи

Мартен (*указывая вдаль*). Посмотрите — вот немецкие костры. Обед варят, свины. Мяса, картошки, муки у них сколько душе угодно. Да, теперь ихний Бисмарк может быть доволен. Сделал с нами что хотел (*Окидывает взглядом улицу*.) Вот тебе и мир

Луи. Если наш мальчик выживет, он отомстит за нас, не правда ли, Мари?

Мари. Потому ты и продаешь рубанок?

Луи. Сын отомстит за нас.

На средней лестнице:

Люсьен и Полина, ему двадцать, ей пятнадцать лет, крадучись, спускаются вниз. Увидев Брижо, сразу останавливаются.

Полина. Вон он сидит там!

Люсьен. Посмотри, как он вытаращил глаза: тебя высматривает, старый боров.

Полина. Не обращай на него внимания! (*Обнимает Люсьена*.) А теперь побежим на кладбище.

Взявшись за руки, они бегут вверх по лестнице

На лестнице справа.

Кучер Мишель. Ключула?

Морис (*дергая леску*). Не думаю. Здесь, видно, уже все выловили.

Мишель. Попробуй еще!

Морис (*проверяет крючок*). Черт побери, приманку сорвали.

Мишель (*радостно*). Видишь? Возьми-ка вот новую приманку, лакомый кусочек. Хитри не хитри, теперь не сорвется.

Габриэль Ланжевен (*молодая учительница, поднимается по правой лестнице, останавливается и наклоняется к Морису, который только что забросил удочку*). Интересно, что ты здесь ловишь?

Морис. Крыс, конечно.

Габриэль. Крючком! Разве ты не понимаешь, что им будет больно?

Пьер (*приподнимаясь на локте, говорит резко*). Заткни глотку!

Морис (*забрасывает леску*). Не говори с ней так. Она хоть и чудачка, но добрая.

Пьер. А нам разве не больно? Уж не меньше, чем крысе с разорванной глоткой!

Габриэль Да... (*Садится на лестницу рядом с ними.*)

Ги. Послушай: поймаешь крысу — отдай ее мне.

Морис. Нет.

Ги. Съешь сам?

Морис. Что я, богач? Закою ее за три франка.

Ги. Ты ведь только продал одну.

Морис. Ну и что ж, коплю деньги.

Перед кафе

Брижо (*хозяину, кивая в сторону Мориса*). Из этого парня выйдет толк. Видали, денежки копит. Крыса за крысой. А начал с пустыми руками. Неужто вы ее не видели? Проклятая девчонка!

На лестнице

Мишель (*к Габриэль*). Он хороший парень, поверьте мне. Не знаю, что бы я стал делать без него с тех пор, как потерял Марту.

Габриэль. Это ваша жена?

Мишель. Не совсем.

Морис. Так звали его кобылу

Мишель. Пришлось ее прирезать. Нечем было кормить. Под конец от нее остались лишь кожа да кости... Вся в ранах. А последнюю неделю она все время падала на улице. Но Морис говорит: будем копить на лошадь.

Габриэль Он ваш родственник?

Мишель (*отрицательно качает головой*). Ему негде было жить. Отец погиб на войне. Мальчик спал у Марты в конюшне, а днем ездил со мной на козлах.

Габриэль. Морис, почему ты больше не приходишь ко мне заниматься? Ведь тебе учеба давалась очень легко. Если захочешь — приходи обязательно. Учение поможет тебе стать свободным и сильным человеком.

Морис. У меня нет времени, коплю деньги на лошадь.

Габриэль (*к Ги и Розе*). А вы, дети? Мне так хочется помочь вам. Вы-то не копите на лошадь! Чем вы занимаетесь?

Ги. Мы безработные.

Роза. Нас уволили с прядильной фабрики.

Габриэль. Не лучше ли ходить в школу и учиться, чем слоняться без дела по улице?

Ги. Лучше лежать здесь. Тогда не замечаешь...

Габриэль. Голода?

Ги кивает.

Ах, деги, мне нечего вам дать... А эта маленькая девочка спит?

Морис. Да, когда мы пришли, она уже лежала.

Габриэль. Какая маленькая и худенькая! (*Приподнимается, но тотчас же садится опять.*) Нет, не буду тебя будить.

Мадам Лассаль, пьяная, напевая, идет вверх по правой лестнице Ги и Роза бросаются к ней

Ги Мы тоже хотим выпить Даван сюда бь тылку!

Роза Ну будь хоть чуточку добрей Дав и другим глоток черт возьми!

Пьер Оставьте ее

Мадам Лассаль Правильно! Хорошии сь всегда защищает свою мать

Пьер Заткни глотку

Мадам Лассаль Ну что за рожу ты скор или мальчик? Тебе не нравится когда матери ве село? Уж не думаешь ли ты что ей слишком стадо ко живется?

Пьер Иди ка домой

Мадам Лассаль У тебя никогда не было сердца

Брижо (*подходит к мадам Лассаль*) Где же она? Я жду уже несколько часов! Да вы к тому же еще и пьяны хотя обещали быть трезвой и при сматриваеь за нею Вдрызг пьяны а еще матерью называетесь

Мадам Лассаль Не кажется ли вам что мать может напиться в тот вечер когда ее дочка поступает в публичный дом?

Брижо Но сперва она будет моей Вы взяли за это двадцать франков и сказали что присмотрите за нею А она шляется теперь с каким то пар нем отакая дрянь Найдите ее не то она оставит меня в дураках

Мадам Лассаль Она сделает так как скажет ее мать

Брижо Все меня падают! Вы думаете жильцы платят за квартиру? Государство дало им от

срочку до конца войны Но ведь теперь мир—извольте платить! Обманывать—это вошло людям в плоть и кровь Они плюют на закон и порядок Приведите Попину!

Мадам Лассаль (*направляясь в кафе*) Не много терпения Все уладится

Брижо Если вы не будете вести себя прилично то потеряете место Я не могу допустить чтобы пьянужка мыла лестницы в моем доме (*Взбеженными садится к столу*)

На лестнице

Габриэль Они говорили о вашей сестре? Но поймите этого нельзя допустить!

Пьер Заткните глотку Вы можете дать чтонибудь ребятам? Хлеба? Нет вы только умеете жалеть их Велика польза! А что я могу дать сестре? Пожалеть ее? Нет этим я ей не докучаю

В очереди

Луи (*Мартену*) Вы что принесли?

Мартен Обручальное кольцо

Луи А я рубанок Вот взгляните Хорош правда? Кленовый Мы провели вместе много приятных часов Как сейчас помню наш последний день в мастерской (*К Марии*) Ты еще пришла с сыном и принесла мне завтрак в судке Была чудесная погода Я стругал доску для стола Метровые тонкие как шелк стружки потяли из рубанка и обвивались вокруг рук (*Смотрит на рубанок потом почит с надеждой на Мари и опускает голову*)

Перед кафе

Хозяин (*выставляет мадам Лассаль за дверь*). Здесь не подают. Попрошайничать не разрешается.

Брижо (*шипит ей вслед*). Найдите мне девчонку. И поскорее.

Наверху, на средней лестнице:

Перед входом в публичный дом стоит его хозяйка Лаура

Лаура (*к мадам Лассаль*). Чего хочет этот господин? Полину ищет?

Мадам Лассаль. Он, бедняга, женился на старой вдове, а теперь вот молоденькую ищет.

Лаура. Пусть идет к нам! Поговорим серьезно, мадам Лассаль. Что у Полины с этим парнем? Мне нужна хорошая надежная девушка, которая занималась бы своим делом, а не думала о посторонних вещах. Клиенты — народ требовательный. Она должна понять, что я оказываю ей благодеяние: беру теперь, когда у людей нет денег и так тяжела жизнь. И помните: это порядочный дом. В семь вечера чтобы была на месте.

Мадам Лассаль. Будет вовремя. Нельзя ли получить небольшой аванс, чтобы купить рамку для портрета ее отца; она повесит его на стену...

Лаура. Судя по твоему виду, ты получила уже достаточный аванс. (*Уходит в дом.*)

Мадам Лассаль плетется дальше вверх по улице.

Лестница слева:

Тва переплетчик — Варлен и его товарищ по работе немец Шульце — поднимаются наверх

Шульце (*осганавливается и смотрит в сторону детей*). Ach, mein Gott! Die armen Kinder! Ach, mein Gott! ¹

Садятся за столик, им подают две порции супа

В очереди:

Мартен. Вон два немца! Они говорят по-немецки. Это немцы!

За столиком

Брижо. Проклятый сброд. Два немца. Нет людей хуже.

На средней лестнице:

Инвалид войны, без ног, съезжает вниз на тележке, отталкиваясь руками, на которые надеты стальные шетки.

Инвалид. В Сену немцев!

Голоса из очереди: «В реку их».

Варлен (*лет тридцати, с внешностью мягкого, задумчивого, но в то же время решительного человека, поднимаясь*). Вы же знаете меня. Я — Варлен, переплетчик.

В очереди:

Луи. Да, я знаю его.

На лестнице справа:

Габриэль. Он хороший человек.

Мартен. Но тот, другой — немец.

Варлен. Да, но он наш друг, мы вместе работаем в мастерской.

Луи. А наши сидят без работы.

¹ Ах, боже мой! Бедные дети! Ах боже мой! (Нем)

Варлен. Он знает больше нас, у него можно поучиться.

Инвалид. Он не может быть нашим другом. Мы должны ненавидеть немцев.

Варлен. А я не питаю к ним ненависти.

Инвалид. Слышите! Его подкупили. Он продан за немецкое золото.

Варлен. А кто такие немецкие солдаты? Такие же люди, как и мы. Они убивали, мучили и ненавидели нас так же, как мы ненавидели их. И мы были обмануты так же, как они. Однажды я читал, как злые силы столкнули в смертельной борьбе друзей, не узнавших друг друга в темноте. Так дрались и наши солдаты — друзья, не узнавшие друг друга во мраке.

Инвалид (*кричит*). Нам не нужен твой Интернационал! У нас есть родина. Я проливал за нее кровь, и пусть другие поступают так же. Все до одного! Или ты хочешь сказать, что мы напрасно страдали?

Варлен. Да, мой друг, именно это хочу я сказать. Нам лучше забыть о тебе, забыть об оскорбленной чести, страданиях и новой войне.

Брижо. Убирайся к немцам, к своим друзьям!

Инвалид. В Берлин его!

Голос из толпы. В Берлин!

Варлен. Чего вы кричите? Чтобы не думать? А если подумать, то можно найти решение. Я такой же, как и вы, — не тратьте времени зря. Приближается наш враг.

Мари (*в испуге*). Как — враг? Но ведь сейчас мир.

Варлен. Когда наши войска были разбиты и пала империя, мы поклялись защищать город до последнего человека, мы — ты и я, — народ Парижа. Но генералы решили обойтись без нас и позволили немцам зажать город в кольцо. Парижанам не дали бороться, и вот теперь обрекли их на голодную смерть.

Справа сходит полицейский комиссар и останавливается около лестницы, на которой сидят дети.

Почему же? Да потому, что генералы и буржуи боятся победы народа. Ведь тогда мы узнали бы, что в нас живут могучие силы. Они сделали все, чтобы не дать нам победить, чтобы довести нас до отчаяния, обессилить, сломить. Мы дошли до предела, мы проиграли войну, и родина хочет теперь покончить с нами.

Инвалид. Он лжет.

На средней лестнице.

Полковник Россель (*пока Варлен говорил, он спустился вниз*). Он не лжет. Нет такого позора, которого не снесли бы наши генералы. Я участвовал в войне и знаю их бездарность, трусость, высокомерие, знаю, как они предавали нас. Когда-то я гордился званием офицера французской армии. Теперь я стыжусь его. (*Садится за столик.*)

Луи. Что же теперь будет, Варлен?

Варлен. Вчера президент республики вернул обратно в Париж. Говорят, господин Тьер восстановит порядок. Это значит: понадобятся деньги. С нас потребуют не позже чем через две

педели заплатить всю квартирную плату и налоги, на которые мы получили отсрочку во время осады.

Брижо (*удовлетворенно, но осторожно, про себя*) Правильно. Закон и порядок — прежде всего

Мари. Ну, нет, довольно с нас.

Луи. Лучше драться.

Мартен. Лучше умереть.

Варлен. Нам надо объединиться, тогда они не смогут нас сломить.

Беле (*старый механик, воплощение честности и разума, поднимается по лестнице слева*). Прежде всего мы должны заставить их уважать нас, не правда ли, гражданин Варлен?

Варлен. Вы правы

Беле. Общество — это тонкий механизм. Чтобы управлять им, нужны знания. Те, что сегодня стоят у власти, не дадут нам этих знаний, они будут держать нас в темноте. Что ж, будем учиться сами. Докажем, что наша воля сильнее, и тогда посмотрим, посмеют ли они не допустить нас к власти. Часто спрашивают: когда же засияет заря для пролетариата? Я так скажу вам: каждый вечер, который рабочие проводят в беседах и учебе, приближает эту зарю.

Мартен. Красиво сказано, но где мне взять время, чтобы сидеть и беседовать с товарищами? Вот заложу кольцо, а потом до утра буду работать в пекарне. Каждый вечер, из года в год, спускаться в раскаленное покло — ни одной свободной ночи.

Брижо. Ты, наверное, предпочел бы развлекаться со своей старухой, не правда ли?

Мартен. Смотри, получишь в морду. Я хочу учиться.

На лестнице справа:

Ги Наверное, хорошо быть пекарем. Свежий хлеб пахнет так вкусно.

Полицейский комиссар (*проходит через сцену, останавливается около Варлена и говорит вполголоса*). Вы уже сидели в тюрьме за вашу преступную болтовню, мой дорогой Варлен. Постерегитесь

Варлен. Разве видеть и понимать преступно?

Полицейский комиссар. Вас, Беле, я тоже предупреждаю.

Брижо. Так им и надо!

Полицейский комиссар (*Росселью*). Позвольте узнать ваше имя?

Россель. Полковник Россель.

Полицейский комиссар. Возможно, нам еще придется встретиться. (*Уходит направо.*)

Инвалид (*катится следом за ним*). В Берлин их всех!

На лестнице справа:

Габриэль (*в ужасе нагибается над ребенком, лежащим около стены*). Проснись же! Она совсем застыла. Проснись, проснись! Нет, она мертва. Проснись! Бегите за доктором! Проснись же, крошка!

В очереди:

Мари. Кто это умер?

Мартен. Кто-то из детей.

Женщина (*позади Мари*) Вы потеряете очередь!

Мари. Но ведь там умер ребенок.

Женщина. Уйдете — очередь пропадет.

Варлен, Беле и Шульце бросаются к Габриэль

Габриэль. Она дышит? О, бедняжка, такая худенькая и измученная. А эти складки вокруг рта. Я не вынесу, Варлен.

Варлен. Нам еще многое придется вынести Ги. Ключет!

Роза. Крыса попалась!

Мишель. Осторожно, Морис.

Роза и Ги. Ура!

Мишель (*душит крысу*). Вот она!

В очереди:

Вторая женщина (*присоединяется к остальным*). Что там случилось?

Мари. Ребенок умер.

Первая женщина. Крысу поймали.

На лестнице:

Габриэль (*кричит*). Где же врач? Она умерла.

Роза. К чему теперь врач?

Мишель. Десятая крыса за одну неделю! Мы еще поедем на козлах, Морис!

В очереди:

Мари. Твоя очередь, Луи. Идем скорее

Луи смотрит на нее.

Мари. Мальчик умрет!

Они входят в ломбард Риго и Рене Сегюр поднимаются по правой лестнице. Оба они медики У Риго одухотворенное лицо, суровое и скорбное. Рене бледен, тщедушен, полон страстной жажды жизни и вместе с тем неуверенности в своих силах

Риго. Дайте-ка, я осмотрю ее. Она умерла уже несколько часов назад. Недоедание Ясно! (*К Ги.*) Ты знаешь мать девочки? Позови-ка ее.

Ги не трогается с места

(*Вынимает несколько монет.*) Беги же, черт возьми!

Ги уходит.

Хозяин (*подходит к Морису*). Два франка за крысу.

Морис. Три

Хозяин. Два с половиной.

Морис. Три. Я не могу сбавлять цену.

Хозяин. Получай деньги, маленький кровопийца.

Варлен (*к Габриэль*). Вы придете вечером на собрание?

Габриэль. Разве это поможет, Варлен? (*Садится около ребенка.*)

Беле и Шульце возвращаются к столу

Беле (*качает головой*). Нет, нет.

Варлен (*остается с Риго и Рене*). Гражданин Риго! Вы боретесь за прогресс, доставьте нам удовольствие, придите на наше собрание.

Риго (вместе с Варленом и Рене идет в сторону кафе). Я не рабочий, мне скучно с вами. Вы говорите о просвещении и всевозможных реформах. Дело же не в этом.

Варлен. А в чем?

Риго. В том, чтобы уничтожить.

Варлен. Может ли человек жить ради этого?

Риго. А кто сказал, что человек должен ради чего-то жить? (Резко оборачивается к Рене.)

Варлен отходит к своему столику

Плакаты у тебя? Надо немножко подождать с расклейкой. Видишь того субъекта? И того, в очереди? Оба полицейские агенты. О, теперь, после возвращения Тьера, они будут усердствовать. Но и мы не дураки, я уверен, что ни одного из расклещиков плакатов им схватить не удастся.

Новая группа присоединяется к очереди

Первая женщина. Мертвая девочка — дочка мадам Риво.

Вторая женщина. Мать сама виновата. У нее четверо детей, и двоих она выгнала на улицу.

Первая женщина. Какое чудовище! Теперь-то она, верно, явится, а впрочем, бог ее знает.

Вторая женщина. Да, она ее не кормила. Скучно у них было, а этой маленькой вовсе ничего не доставалось.

Перед кафе

Рене (смотрит на детей). Да, положение тяжелое. А вот для богатых наша нужда — лишь забава. В ресторанах стало очень весело после того,

как в меню появились кушанья из мяса хищных зверей зоологического сада. Я слышал вчера около кафе, как один офицер сказал Сильвии Жерар, помогая ей выйти из экипажа: «Сегодня вы отведаете блюдо, которое вам надо кушать ежедневно: сердце тигра». Когда-нибудь мы поджарим его сердце.

Риго. А что будет с сердцем Сильвии?

Рене. Она изумительная артистка, Риго! Я хожу в оперу каждый вечер, когда она танцует. Я могу не есть, но видеть ее должен. Я могу мерзнуть, но должен созерцать прекрасное. Недавно у меня не было ни гроша, я умолял контролеров пропустить меня, грозил им, но они меня выгнали, и тогда я понял, что значит очутиться за бортом жизни. На безлюдной улице я вдруг почувствовал себя одним из тех миллионов, что лишены хлеба, добра, красоты, и какой-то голос закричал во мне: надо иснавидеть, красть, убивать, но добиться жизненных благ.

Риго. Ненависть — ненадежное чувство. Я не хочу ненавидеть.

Рене. Чего же ты хочешь?

Риго. Я хочу убивать. Я еще понадобится. Государственный переворот неизбежно влечет за собой систематическое и целесообразное уничтожение части общества. Во время Великой революции лучше всех это понял Марат. Он мой учитель. Возможно, знаменательно и то, что мы оба медики. Мне чужды мистические взгляды на человеческую жизнь. Лишь трусы питают к Марату отвращение. Он смело заявил: «Сделайте меня диктатором, чтобы я мог убивать, но привяжите к ноге пушечное

ядро, чтобы я был постоянно связан с народом»
Я продолжу то, чего не успел сделать Марат.

Мать Фелисите в сопровождении Ги спускается вниз
по лестнице

Рене. А вот и мать

Риго. Прекрасно. Мы воспользуемся этим и
наклеим плакаты.

Во время следующей сцены они наклеивают плакаты на стену
ломбарда, слева от входной двери, полностью скрытые
толпой, окружившей мать

Первая женщина. Вон она лежит там
внизу. Теперь ваше желание исполнилось

Мать. Да, исполнилось.

Женщина. Убить мало такую мать Выгнала
свое бедное дитя на голодную смерть.

Мать. Неправда, я ее не выгоняла. *(Она
скается на колени перед мертвым ребенком.)* Род-
ная моя. Теперь ты пойдешь со мной домой, и мы
поговорим.

Женщина. Но ведь вы ее не кормили.

Мать. Мне нечем было кормить ее Я пыта-
лась прокормить их всех, но у меня не было пищи.
Я давала им свою грудь, но в ней не было молока.
Я молила бога напитать их моим телом! Я подума-
ла: может быть, двое из них, те, что посильнее,
выживут, если им отдать всю еду, которая у нас
еще была. И я сказала двум другим: вы не полу-
чите больше ничего. Во имя всемогущего бога пой-
мите, что я делала это ради любви Марсель умер-

ла быстро, но Фелисите протянула дольше. Хочешь,
я прилягу возле тебя, говорила я ей каждый раз,
когда у меня выпадала свободная минутка, и ты
будешь лежать в моих объятиях, моя самая люби-
мая Она понимала все это и была терпелива, но
вчера сползла по лестнице, думая, наверно, что
на улице кто-нибудь даст ей поесть Я искала ее,
по не нашла Тебе не надо было лежать здесь
одной, а быть с матерью, моя родная. *(Пытается
поднять ребенка, но у нее не хватает сил.)*

Пьер берет девочку на руки и в сопровождении матери
и Габриэль поднимается по лестнице Люди отходят в
сторону, и только теперь видны красные плакаты на стене
Риго и Рене давно уже сидят за столиком

Брижо *(увидев плакаты, вскрикивает, почти
в ужасе)* Смотрите, плакаты!

Блсс. Что там написано, Варлен?

Варлен *(читает)*. «Граждане! Палач Тьер
хочет занять рабочие кварталы и разоружить наш
последний оплот, Национальную гвардию Вспомни-
те, как поступили наши предки во время Великой
революции. Они создали Коммуну, красный Париж,
который разбил реакцию Следуйте их примеру.
Будьте осторожны, но когда пробьет час — идите
в бой»

Начинает смеркаться

Мартен *(выходя из ломбарда)* Да здравст-
вует Коммуна!

Голоса в очереди Да здравствует Ком-
муна!

Полицейский комиссар (*входит справа, подходит к плакату. Все замолкают*). Здесь написаны слова, которые вам следовало бы хорошо запомнить: «Будьте осторожны». Каждое ваше замечание может иметь серьезные последствия. А вы, господин Риго, вы специально изучаете действия полиции и сможете подтвердить, что сегодня полиция на своем посту. (*Срывает плакат.*)

Риго. Господин полицейский комиссар, насколько я видел, на плакате были и другие слова: «Когда пробьет час...».

Художник Гюстав Курбе, полный, добродушный, жизнерадостный, самовлюбленный, спешит вверх по лестнице в сопровождении своей натурщицы и возлюбленной Сюзанны

Курбе. Что здесь происходит? Долой Тьера! Да здравствует Коммуна!

Риго. Мэтр Курбе, я прошу вас, ради самого себя, будьте осторожны. Здесь полиция. Можно ожидать, что правительство примет меры.

Курбе. Благодарю вас. Но когда я в чем-либо убежден, я не шепчу об этом, я рычу! Вы сказали — правительство. Надо ли напоминать вам, что я ответил правительству Наполеона III, когда оно выразило недовольство характером моего творчества. «Кланяйтесь от меня властям, — сказал я, — и скажите им, что я сам себе правительство. Долой авторитеты!»

Рене и другие. Bravo!

Один из полицейских (*полицейскому комиссару*). Взять его?

Полицейский комиссар. Подождем, пока не придет подкрепление. Кроме того, он художник.

Хозяин зажигает газовый рожок в кафе. Свет падает на столы, ярче других освещен столик Курбе. Луи и Мари входят из ломбарда.

Луи. Зачем мы это сделали?

Мари. Иначе нельзя.

Луи, словно парализованный, опускается на среднюю лестницу. Мари уходит налево.

Курбе (*сидит теперь с Сюзанной за столиком*). Меня преследовали, надо мной издевались, замалчивали, и знаете почему? Я просто рисую то, что вижу. Никто другой этого не делает: опасно. Вот в чем штука. Видеть и не закрывать глаза — в наше время значит обвинять, угрожать. Я писал у себя в Орнани поргеты бедных каменщиков, согбенных изнурительной, пищенски оплачиваемой работой. Это был вопль о справедливости. Я рисовал развратных, спившихся священников, высасывающих соки у народа; рисовал ленивых и невежественных буржвек, заплывших жиром и утопающих в роскоши... Пива!

Пьер и Габриэль спускаются вниз по лестнице и вновь садятся возле детей.

Но я изображал также здоровье и счастье. Ведь веришь в то, что видишь, — так устроен мир. Спасибо моим глазам и спасибо за то, что я смог увидеть! Я изображал хороших девушек, с упругой грудью, крепкими бедрами и ногами. Именно таки-

ми они должны быть. Я изображал радость жизни, и лицемеров коробило от ужаса, ибо это был не грех, не позор, это было чертовски хорошо. Я принес в город леса, реки и горы — могучее дыхание земли, которое рушит их подлый мирок жадности, торгашества и денег. А сейчас я приехал с моря, и негодным буржуа от меня не уйти. Мы с морем в родстве. Оно всегда необъятно. Сказать вам, что такое море? Это революция, черт возьми!

Варлен. Мы гордимся, мэтр Курбе, что такой великий художник, как вы, вместе с народом.

Курбе. Да, я всей своей кровью и плотью с народом. Для меня понятия «художник» и «человек» неотделимы. Как же иначе? Так мыслит каждый, кто называет себя реалистом. Я хочу своим искусством освободить человечество, но, если этого недостаточно, что ж, я весь без остатка принадлежу вам. Мои убеждения, если потребуются, приведут меня прямо на баррикады

Голоса. Да здравствует Курбе!

На лестнице справа:

Пьер (кричит). Ты чертовски толст, чтобы поместиться на баррикаде.

На средней лестнице:

Лаура. А попадись ты мне, живо похудел бы Курбе (обиженно). Может быть, моя комплекция помогла мне вынести преследования и одиночество, может быть, я терпел не только свои невзгоды, но и облегчал тяготы всего века. (Вполголоса.) Сюзанна, разве я потолстел?

Сюзанна. Нет, избави бог!

Курбе (все еще расстроенный, Сюзанне). Не слова причинили мне боль, а топ. Неужели народ не сможет понять меня?

Сюзанна. Гюстав, пообещай мне одно — что ты никогда не похудеешь. Иначе ты потеряешь то очарование, которое принадлежит мне

Курбе (растроганно). О моя Сюзанна, я не сомневаюсь в тебе. Но, может быть, за весть, которую я несу, мне суждена смерть, как солдату из Марафона.

Сюзанна. Не говори так, ты ведь знаешь, что все тебя любят.

Курбе (с увлечением). Чего бы это ни стоило, я не обману их любви. Как ты сегодня хороша, Сюзанна! А ну, повернись немного. Вот так. Когда я тебя увидел в первый раз, я сразу заметил, что в твоём профиле есть что-то схожее с моим. (Ударяет по столу, рычит в сторону Риго.) Ничто не может остановить человека, который борется с несправедливостью

Фонащик зажигает газовый рожок над лестницей справа.

На лестнице

Пьер (кричит Курбе). Замолчи, черт возьми! Замолчи!

Перед кафе:

Риго (к Курбе). Хорошо. Это великолепно. Но здесь что-то назревает, а мне это не нравится...

На лестнице

Пьер Несправедливость — в их устах это звучит как красивое и жирное словечко Но не справедливость — ведь это готод вши и пьянство

Габриэль Поэтому то мы и должны с нен бороться

Пьер Мы бедняки, живем как свиньи Но бо гачи тоже живут по свински Разницы никакой

Габриэль Неужели вы не верите что в ми ре существует прогресс?

Пьер Нет почему же Взгляните хотя бы на этих двух (*Указывает на Курбе и Риго*) Они каж дый день сидят в кафе и болтают о несправедливо сти Дайте им власть — они будут сидеть в более шикарном кафе Черт возьми как же тут не верить в прогресс!

Габриэль Как мне хочется, чтобы вы встрети тись с моим братом Он врач и мог бы рассказать вам например каких замечательных успехов до стигла за последние годы навка Но его здесь нет

Пьер Где же он?

Габриэль Был на войне а сейчас сидит в плену в Германии

Пьер (*с издевкой*) Да, тогда, пожалуй при дется долго ждать когда он нам чтонибудь рас скажет

Слева входит Мари Со средней лестницы под нмается Туи и взволнованно обращается к пей

Туи Верни мне деньги! Я выкуплю рубанок а то как будто мне отрубили руки Мари Завтра я наверняка получу работу

Мари У меня нет денег Я купила мальчику хлеба

Луи Мы вернем хлеб обратно

Мари Ни за что

Перед кафе

Бете (*к Курбе*) Нет я не так смотрю на вои ну мэтр Курбе Я повторяю за нашим великим Виктором Гюго «Немцам победа, французам честь»

Курбе (*оборачивается к Сюзанне тило*) Ве ликии Виктор Гюго! Великий Перестанут ли меня когданибудь преследовать?

На средней лестнице

Луи Мы умрем Когда это будет съедено нам всем конец I сть у тебя еще деньги?

Мари Четыре франка

Луи Дай их мне

Мари Нет

Луи Дай, черт возьми! Все равно помирать Я хочу выпить

Мари (*берет в руки его голову пристально смотрит ему в лицо*) Взгляни на меня Это мы ты и я, правда, Луи?

Выражение горечи и ненависти и лезает с лица Туи

А теперь пойдем домой к мальчику

Они спускаются по лестнице слева Лаура зажигает крас ный фонарь над дверью публичного дома и уходит

На средней лестнице

Люсьен и Почина спускаются вниз и останавливаются освещенные красным светом фонаря

Люсьен Какая ты славная, Почина

Почина *(прижимаясь к нему)* Я люблю тебя хочу быть с тобой Я не пойду туда Пусть мать заберут в тюрьму за полученный задаток Мне на это наплевать Я люблю тебя Идет весна становится тепло и мы сможем жить на открытом воздухе и вместе вести свое хозяйство Как это будет чудесно!

Брижо *(вскакивает и догоняет их когда они уже спускаются вниз направо)* Прилично ли заставлять людей ждать часами! Но какая ты хорошенькая худенькая молоденькая *(Вдруг с подзвонком хватая ее за руку)* Где ты была?

Полина На кладбище конечно

Брижо Ты обманула меня? Черти! Никому нельзя верить

Почина А вы думали что я вам достанусь? *(Гордо)* О нет вы не знаете парней с нашей улицы!

Брижо Ах вот как! Ну тогда я позабочусь чтобы твоя маменька окончила свои дни там где ее место — в водосточной канаве Я немедленно выкину ее из комнаты Почина!

Полицейский У нас есть дела поважнее

Полицейский комиссар *(с плакатом в руке вбегает по средней лестнице в сопровождении двух солдат На этот раз он уже держит себя горбо и нагло)* Вы недавно так ловко наклеили плакат У меня тоже есть плакатец на этот раз правительственный и я с особым удовольствием вас с ним ознакомлю *(Читает)* «Сограждане! Для обеспечения полного порядка сегодня правительство

отдало армии приказ занять беспокойные районы Парижа и разоружить население Закон и порядок должны быть обеспечены Право частной собственности будет защищаться без всякой пощады! Париж восемнадцатое марта, семьдесят первого года Тьер»

Брижо Да здравствует Тьер!

Риго *(вскакивает)* Нет уж довольно! Час пробил!

Беле Солдаты!

По обем боковым лестницам поднимаются солдаты у них ружья с примкнутыми штыками

Полицейский комиссар Арестовать этих людей!

По указанию полицейского комиссара солдаты подходят к арестованным и становятся рядом с ними

Россель Очень хорошо

Риго Они выиграли первый ход

Беле Это возмутительный произвол!

Полицейский комиссар *(указывая на Курбе)* И его тоже

Курбе «Его тоже» Арестовать Гюстава Курбе таким способом? *(Внезапно с негодованием)* Проклятые палачи! Вы хотите стомить свободный дух! Но это вам никогда не удастся Никогда!

Полицейский комиссар *(подходит к Варлену)* И этого тоже Теперь я думаю, мы сломим ваш революционный пыл

Варлен Я перестану быть революционером лишь тогда когда на земле воцарится свобода и справедливость

Полицейский комиссар Заткните свою паршивую глотку

Беле Чем все это кончится, Варлен? Что это значит?

Варлен Это значит, что прогресс отброшен на несколько лет назад. Его время еще не пришло.

Полицейский комиссар Увести их!

Мартен Теперь они нас совсем задушат

Голоса из толпы Нас предали

— Все пропало!

Делеклюз *(шестидесяти лет, седой, мертвенно-бледный от тропической лихорадки, внезапно появляется на верху средней лестницы)* Нет еще!

Народ Делеклюз!

Делеклюз *(говорит хриловатым, покоряющим, страстным голосом)* Тьер слишком уверен в своей победе. Он говорит, что является хозяином положения. Но положение создаете вы, мы с вами *(Медленно)*. Есть вещь, которая в тысячу раз хуже поражения,— это бездействие.

Полицейский комиссар Взять его!

Делеклюз *(выхватывает револьвер)* Одну минуту! Мне трудно говорить, легкие мои слабы, меня только что выпустили из тюрьмы господина Тьера. Но позвольте мне этим ослабевшим в тюрьме голосом напомнить вам, что свобода будет задрана, если вас разобьют сейчас *(Кричит)*. К оружию!

Народ К оружию!

Варлен Солдаты, неужели вы будете стрелять в нас?

Многие из солдат Нет!

Варлен обнимает арестованного его солдата Рабочие и солдаты братаются друг с другом Люсьен, Пьер, Морис и многие другие набрасываются на полицию
Музыка Поток людей заполняет лестницу

Беле А это не опрометчиво?

Варлен Так и должно быть

Габриэль Только так

Россель Я с вами! За народ, против предателей!

Риго Да здравствует Коммуна!

Курбе За Коммуну, пока бьется сердце!

Шульце Es lebe die Kommune! ¹

Народ Да здравствует Коммуна!

Из домов выбегают вооруженные рабочие

Луи *(бросается вверх по правой лестнице)*
К оружию! Я должен вернуть свой рубанок

КАРТИНА ВТОРАЯ

В библиотеке Тьера Яркое заходящее солнце. В комнате много репродукций и слепков с известных картин и скульптур эпохи Возрождения. Большой глобус. На столе—множество карт. Тьер беседует с одним из своих министров. Тьер—спокойный, краснощекий человек, с седыми горащими волосами. Он необыкновенно подвижен для своих семидесяти двух лет. Безграциозно самовлюблен. Министр слушает его со смиренным восхищением.

Тьер Решительно ничего не делается, если я не берусь за все сам. Я исколесил всю Европу от Лондона до Санкт-Петербурга, чтобы добиться

¹ Да здравствует Коммуна! *(Неи)*

для Франции почетного мира. Я сидел за круглым столом в Версале и вынудил господина фон Бисмарка отказаться от его бесчеловечных требований. Я сделал Национальное собрание в Бордо послышным орудием моей воли. И вот сегодня я застаю Париж на грани восстания. Кто же должен был ударить по бунтовщикам? Я уверяю вас, воспный губернатор Парижа понимает в своем ремесле не больше, чем я в... *(Подыскивает слово, не находит, лишь машет рукой.)*

Министр. Если бы вы сами не сделали паузы, то мне пришлось бы прервать вас. Трудно даже представить себе сферу деятельности, где бы вы не были необходимы как воздух.

Тьер. В ваших словах есть доля правды, мой дорогой коллега. Я давно уже предвидел, что нам придется свести счеты с немущими классами. Однажды в Голландии я видел, как насекомые подтачивали целые плотины. То же самое происходит сегодня во Франции. Насекомые подтачивают фундамент общества. Вредные идеи вытесняют общепризнанные истины. Если страж заснет, море может затопить страну. Если посмеет взять под сомнение геометрическую аксиому: прямая линия есть кратчайшее расстояние между двумя точками. А такую же непреложную истину — право человека на собственность — бесстыдно оспаривают. Но на этих людей нашелся усмиритель. Если потребуются, я сегодня же докажу им, что ружейная пуля найдет кратчайший путь между двумя точками: от руки справедливости до сердца, презирающего законность. *(Открывает крышку часов.)* Не позже как

через двадцать минут я жду курьера с донесением об окончательной победе.

Министр. Вчера смятение и ужас, сегодня спасение. Неужели это возможно?

Тьер. Я сам разработал план выступления войск против мятежных районов. А мои планы обычно не терпят краха.

Министр. Недаром вы любите спать на походной кровати, принадлежавшей Наполеону. В этом счастливое предзнаменование.

Тьер. Не мешало бы нашим генералам хоть немного поспать на ней. Я должен сказать, что основательно изучил стратегию; быть может, она и была моим истинным призванием. Но эти дни требуют напряжения всех моих сил и способностей. Безграничное горе Франции — словно пробный камень моих поистине юношеских сил. Кто даже в тридцать лет смог бы взять на себя бремя, какое несу я? Ну, теперь прощайте, мой дорогой коллега. Я вас жду с остальными министрами через два часа. Где бы они ни находились в Париже, они сумеют проехать сюда через город, в котором царит полный порядок.

Министр уходит.

(Напевая, изучает лежащие на столе карты.) Пятнадцать тысяч человек против Монмартра. Десять тысяч против Монруж. Десять — против Бельвиля. Реальный план.

Входит госпожа Элиз Тьер. Она намного моложе своего мужа. Это красивая, высокомерная и постоянно чем-то недовольная женщина.

Тьер Молода и очаровательна, как всегда!
Иди, я покажу тебе по карте продвижение войск

Госпожа Тьер Нельзя ли избавить меня от этого? *(Подходит к окну и ослепленная светом закрывает глаза руками)*

Тьер *(изучая карту)* Ты беспокоишься? Совершенно напрасно Я полный хозяин положения

Госпожа Тьер А можешь ли ты представить себе что-либо невероятное? Что существует какой-то очаг беспокойства, над которым ты не властен? *(Задерживает гардины.)*

Тьер Улица Касаньяк Улица Буалье Что случилось?

Госпожа Тьер Ничего Весна У меня болит голова, меня раздражают солнце, почки и цветы Зима лучше Она мне по душе

Тьер *(говорит с постепенно возрастающей горячностью, увлекаясь собственными словами)* Это очень глубокая мысль Зима и мое любимое время года, она не навязчива, она ясна и сурова Я часто думаю о том, что зима справедливо ставит людей на свое место Холод, снег и дождь проводят резкие границы, необходимые любому жизнеспособному обществу Низшие слои загоняются на чердаки и в подвалы, деловые и расчетливые люди получают свою долю жизненных благ, а те, кто блещет происхождением, богатством или гениальностью, владеют светом Сияющие залы, сотни канделябров, огонь белых каминов Яркий и светлый праздник среди зимы — только на деньги можно купить такое лето Это, моя дорогая Элиз, единственно достойное лето Обычное же лето, на

против, создает ложные и вредные представления о жизни *(С горечью)* Я всегда с отвращением наблюдаю, как народ кучками собирается на улицах и греется на солнце даже в самых нищих кварталах Они тоже обладают солнцем! Единственная крупная собственность доставшаяся им бесплатно А каковы последствия, если взглянуть глубже? Подрыв уважения к праву собственности Люди впитывают в кровь стремление владеть, ничем за это не расплачиваясь Все низменные страсти зарождаются и распускаются на солнце Своеволие и вольнодумство расцветают пышным цветом, попираются святые семейные устои Недовольство существующим строем усиливается, как известно, к весне *(Торжествуя ударяет рукой по карте)* Площадь Монмартра В этот момент мои солдаты заняли самые опасные районы

Госпожа Тьер Мне часто казалось, что твоя ненависть к низшим классам — своеобразная страсть

Тьер Я сам вышел из народа Я родился во время хаоса Великой революции, да был к тому же еще внебрачным ребенком Я вылез из болота, оставил родню, тянувшую меня на дно, поборол нищету и одиночество и выбился в люди Я знаю, что значит хаос потому-то и люблю порядок Я знаю, что значат лишения, и поэтому имею право на собственность Я познал унижение, и потому я жаждал власти Путь, по которому я шел, нечеловечески труден, он требовал железного упорства и железной воли Вряд ли на миллион людей найдется один, который сможет пройти моей дорогой, и я

вовсе не собираюсь сокращать ее для других. Расстояние между массами и мной — это мое величие, мой памятник в веках. Я требую уважения к делу моей жизни. Все семьдесят два года строил я это здание, камень за камнем.

Госпожа Тьер. Однажды моя мать призналась, что растила, воспитывала меня специально для тебя. Для тебя, кого она любила больше, чем родного сына, и кому так желала хорошей партии. И разве моя жизнь не была только лишь камнем в твоём здании?

Тьер. Запомни: я никогда не просил тебя делиться со мной своими личными чувствами. Кроме того, я сделал тебя первой дамой Франции.

Госпожа Тьер. Что ж, за это я отблагодарила тебя так, как принято в нашем кругу.

Тьер. Как, разреши спросить?

Госпожа Тьер. Я никогда не ставила тебя в смешное положение.

Топот копыт за окном.

Тьер (*резко*). Прости, что я должен думать и о судьбах Франции.

Офицер (*входит в сопровождении министра*). Господин президент, донесение от генерала Винуа. Положение крайне тревожное. Париж восстал. Солдаты отказываются стрелять.

Тьер. Мои планы плохо выполняются. Почему генералы не мобилизовали надежную часть Национальной гвардии? Это пятьдесят тысяч человек.

Офицер. Национальная гвардия мобилизована.

Тьер. И сколько человек явилось?

Офицер. Шестьсот.

Тьер. Есть еще хорошие вести?

Офицер. Генералы Лекомт и Тома взяты в плен. Должно быть, их расстреляют.

Министр. Какой ужас!

Офицер. Народ как будто обезумел. Под капитаном ле Фортон была убита лошадь. На нее моментально набросилась толпа женщин и ножами разрезала несчастное животное на куски.

Тьер (*звонит в колокольчик*). Элиз! Ступай к себе и сию же минуту приготовься к отъезду.

Госпожа Тьер. Это значит, что мы бежим из Парижа?

Тьер. Когда генерал вступает в бой, это не называется бегством. Я жду тебя здесь.

Слуга открывает госпоже Тьер дверь, она уходит.

(*Слуге*.) Карету подать через пять минут. Возьмите лишь самые необходимые вещи (*Офицеру*.) Вы отвечаете за нашу охрану. (*Кричит вслед слуге*.) Не забудь походную кровать. Итак, час пробил. Теперь либо мы, либо они. План намечен. Моей ставкой будет Версаль. Оттуда войска двинутся и раздавят этих негодяев. За мной Франция. Все патриотические силы объединятся вокруг меня во имя родины!

Офицер. Вы забываете, господин президент, что на солдат полагаться нельзя.

Тьер. Я ничего не забываю. Я вижу выход там, где вы видите лишь смятение и безнадежность.

Министр. Какой же вы предлагаете выход?

Тьер Господина фон Бисмарка Нам помогут немцы Я потребую вернуть мне сто тысяч пленных французских солдат из немецких лагерей и я получу их В такой момент забываются старые распри ибо под угрозой находятся ценности которые выше государственных границ — собственность и закон

Входит госпожа Тьер со слугой

Закрой ставни Запри за нами дом Карета подана?

Слуга помогает ему надеть пальто затем закрывает ставни

Госпожа Тьер *(тихо)* Это напоминает июльские дни сорок восьмого года Я помню ты прибежал домой едва вырвавшись из туч избивавшей тебя толпы Ты плакал тогда от страха

Тьер Не за себя за Францию *(Резко)* Но как ты смеешь говорить мне подобные вещи? Может быть в этом виновата весна которую ты не переносишь весна сделала и их безумными

Слуга закрывает последнюю ставню На сцене становится совсем темно

В путь! Я устрою им кровавую весну!

Занавес

ВТОРОЙ АКТ

Ширмы разделяют авансцену на три части здесь происходят основные эпизоды из жизни Коммуны но кульминационный момент действия (восьмая картина) разыгрывается в глубине сцены

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Первая часть сцены (слева) Угол комнаты в ратуше Темно Часы бьют двенадцать Входит Варлен и зажигает газовой рожок Бете лежит одетый на походной кровати Варлен садится к столу и начинает работать У обоих на груди красная лента Коммуны

Беле Гражданин Варлен послите немного остаток меньше часа до заседания Коммуны Оно наверняка будет длинным и напряженным

Варлен Я не могу спать У меня нет времени

Беле Вам ведь не больше тридцати лет Варлен? А вы уже поседели Так можно и надорваться

Варлен *(улыбаясь)* Подумайте лучше о себе гражданин Беле вы не раздевались уже две недели

Беле Жена говорила то же самое, когда при-
иссила мне обед «Тебе семьдесят шесть лет, по-
ра уже умирать, а ты себя так ведешь», — сказа-
ла она

Варлен Развѣ не здорово, что мы с вами
еще живы, Беле? Знаете, что я чувствую в эти
дни? Благодарность, благодарность за каждый день,
за каждый час, за каждую минуту Нам дана такая
возможность! Используем же ее! *(Роется в бума-
гах)* Становится как будто легче не правда ли?
Наше положение утучилось с тех пор, как люди
получили обратно свои вещи из ломбардов и изба-
видясь от тревоги за неуплаченные долги А когда
мы передадим фабрики в руки рабочих, будет еще
лучше Только бы нам помощников побольше, нас
ведь так мало! Я ходил сегодня в департамент
труда, чтобы получить некоторые важные сведе-
ния Из старых чиновников там не осталось ни-
кого, все сбежали в Версаль И я подумал люди
которые не хотят помочь нам именно теперь, не
просто наши противники это преступники!

Беле Но среди них есть и хорошие люди
Директор Государственного банка, с которым мне
ежедневно приходится сталкиваться, — прекрасный
человек Добросовестный и всегда любезный, а ведь
я требую от него немалые суммы Но вчера он
напугал меня, хотя это была скорее шутка с его
стороны «Я вам сейчас дам эти деньги, — сказал
он, — но кто даст мне гарантию, что все коммунары
не будут расстреляны через две недели?»

Варлен Пусть не беспокоится Революция
совершена, работа развернулась Войска версаль

цев пока не наступают и с каждым часом становит-
ся все очевиднее что они не смогут наступать

Беле Вы в этом уверены, гражданин Варлен?
Варлен Солдаты не пойдут против нас мы
боремся за справедливость Землю — крестьянам,
фабрики и заводы — рабочим, работу — всем Кто
же захочет бороться против нас да еще рисковать
своей жизнью?

Беле Я, как и вы гражданин Варлен, верю,
что наши труды говорят сами за себя Нас должны
уважать Поэтому я так обрадовался, когда было
принято мое предложение, чтобы жалование членам
Коммуны не превышало пятнадцати франков в
день — заработка квалифицированного рабочего
А ведь большинство из нас руководит теперь мни-
стерствами Пусть враги называют нас грабителями
и бандитами Народ поймет, что его ограбили не
мы! Отвратительна эта ложь, так долго мутившая
сознание людей, будто только жадность заставляет
хорошо работать О нет, история говорит иное
Я тоже теперь кое что прочитал Нет, не эгоизм
создал прогресс А какая радость, какая надежда
заклучена в словах «Трудящиеся могут сами вер-
шить свою судьбу» Мы должны справиться с этой
задачей, Варлен! Ну, сейчас не время валяться
здесь *(Встает с койки)*

Варлен Да, чтобы не забыть! Сегодня я
обнаружил что вы кое что просмотрели в счетах

Беле Что же?

Варлен Вы очень загружены работой и, ви-
димо поэтому утвердили слишком маленькие ассиг-
нования на мундиры солдат Коммуны

Беле Я это хорошо помню Я считал правильным проводить строжайшую экономию

Варлен Но вы забываете, что швеи, получавшие прежде шесть франков за мундир, теперь получают лишь четыре И на шесть то франков они еле-еле сводили концы с концами, на четыре же прожить невозможно

Беле Гражданин Варлен, в такое время все мы обязаны приносить жертвы Наш бюджет должен быть разумным и умеренным Только тогда мы укрепим положение

Варлен Народ Парижа поднялся против угнетателей и изгнал их Мы не можем устанавливать жалованье, какое не решались платить даже те кто был изгнан

Беле Я сделал это из лучших побуждений

Варлен Не сомневаюсь Я не знаю человека более порядочного, чем вы *(Отрывается от бумаг и поднимает голову)* Я думаю завтра мы сможем пустить в ход три остановившиеся фабрики Вы довольны?

Беле Конечно

Варлен *(поднимается)* Это значит, что семьсот человек получают работу, семьсот семей смогут жить по человечески, семьсот домов будут тем самым защищать мир *(Останавливается у окна)* Какая чудесная ночь Ни единого выстрела Никто из наших не ранен Не плачут женщины Мир О, если бы я мог заставить всех людей понять, что это значит! Мир — не то, чем они владеют, его надо завоевать Ребенок делающий первые шаги по полу, деревья, зеленеющие на улице, твоя

жена что дышит ночью рядом, — все это ты должен оберегать в неустанной борьбе за человеческое достоинство Упустил хоть один день — значит предаст то, что любил значит ты за войну Мир, Беле должен быть самым напряженным временем на земле

Беле *(горячо)* Есть люди за которых мне хотелось бы сейчас вступиться гражданин Варлен Я говорю о пекарях! Подумать только они никогда не имеют свободного вечера, чтобы провести время в хорошей беседе с товарищами

Гром канонады

Что такое? Не может быть Значит, это все же случилось Гражданская война началась

Делеклюз *(входит)* Наступает развязка Войска версальцев перешли в наступление Теперь мы должны думать лишь об одном — о борьбе

Варлен *(задумчиво, к Беле)* Если пекари начнут работу в пять утра, не разрешит ли это вопроса об их свободных вечерах, гражданин Беле?

Делеклюз Сейчас у нас нет для этого времени

Варлен Время найдется

Делеклюз Что будет, если войска атакуют город?

Варлен Восемнадцатого марта мы лобратились с солдатами

Делеклюз Сейчас воюют другие солдаты, вернувшиеся из немецкого плена Их хорошо откормили, под надзором самого Тьера их научили по виноватости и ненавидеть

Варлен. В крайнем случае мы скажем солдатам: «Войдите в наши дома! Вот здесь наши фабрики и заводы! Мы постарались сделать все как можно лучше. За что же вы нас ненавидите?» Делеклюз, разве невозможно добиться победы, не убивая и не умирая? Осуществлять справедливость, только созидать! Ведь в этом и заключается весь смысл победы.

Делеклюз. Наша борьба будет кровавой

Варлен. Тогда мы проиграем. Мы, выступающие за прогресс, никогда не победим с помощью оружия. В этом наша трагедия и в этом же наша лучезарная и горькая надежда. Мы вступим в войну, колеблясь между человечностью и убийством. Мы не сможем по-настоящему отдаться мирному труду, да и в войне окажемся дилетантами. Не надо забывать: побеждают лишь те, кто воспитан на мысли о войне. Да! С детских лет нацеливают они себя, как ружья, на убийство; лучшие годы своей жизни совершенствуются они в искусстве уничтожения. Кто же может противостоять им? О, Делеклюз, они одержат победу — над опустошенным миром вокруг и внутри себя

Делеклюз. В какой ужасный мир вы заглянули?

Варлен. Ужасный? Я думаю, что, если человек полон безнадежности, он одновременно способен питать и надежду. Мы должны осознать, что мир стоит перед выбором: какое оружие дать нам в руки — силу или человечность? Тот, кто выберет и то и другое, проиграет.

Делеклюз (воскликая) «Проиграет!» Нет

не то слово. Сорок лет я был побежденным. Еще одно поражение я не могу и не хочу пережить! (Спокойно.) Продолжайте вашу работу, Варлен. Но вы подвергаете себя одной опасности. Когда версальцы ворвутся в город и перебьют ваших сражающихся товарищей, может случиться — они пошадят вас.

Варлен (смотрит ему прямо в глаза). Значит, я должен избежать этой опасности. Пожалуй, я не так уж боюсь смерти.

Делеклюз (радостно). Таким я и считал, вас!

Варлен. Какое это все же варварство! Презрение к смерти — невысокая доблесть. Созидание — вот что имеет цену.

Делеклюз (обнимает его). Но мы победим! Мы победим ради жизни, будущего и ради вас, безумный вы человек! (Поспешно уходит.)

Варлен (энергично оборачиваясь к Беле). Ваш план мне кажется превосходным, гражданин Беле! Если мы установим начало работы в пять часов, то свежий хлеб получим лишь на час позже. Это хорошо. А тесто они могут ставить перед тем, как идти в полдень домой. И тогда вечер у них будет свободным, чтобы обсудить все интересующие их вопросы.

Беле. Я внесу это предложение, как только будет возможно.

Варлен. Этой же ночью! Я поддержу вас. Каким это будет облегчением для рабочих! (Садится к столу.) Представляете ли вы, Беле, чтобы

у кого-либо на свете сейчас, да, на всем свете, было бы время для сна? *(Улыбается.)* Или для того, чтобы умереть?

Пушечная канонада усиливается. Темнеет

КАРТИНА ВТОРАЯ

Лестница справа

Раненые коммунары поднимаются вверх по лестнице: они возвращаются домой после первой схватки с версальцами под Парижем, саватки, в которой они потерпели поражение. Группа мужчин и женщин, среди них Люсьен, Полина и Луи ожидают их наверху.

Первая женщина в смертельном ужасе испытующе смотрит на каждого проходящего

Первая женщина *(останавливает Мартена)*. Где мой муж? Ведь вы были вместе? Где он?

Мартен *(с повязкой на голове)*. Он остался там.

Женщина стоит несколько мгновений в безмолвном отчаянии, затем поворачивается и уходит.

Люсьен *(Мартену)*. Вам пришлось отступать?

Мартен. Никто не смог бы пройти через этот дьявольский огонь. Митральезы еще похуже пушек. Мы пытались снова и снова, и каждый раз огонь сметал нас, отбрасывая назад.

Люсьен. Хорошо было бы сделать бросок и захватить эти митральезы.

Мартен. Ты сам не понимаешь, что говоришь.

Луи. О нет, кто-нибудь из наших прорвется к митральезам, и тогда версальцы узнают их вкус на своей собственной шкуре. Попробуем, ребяга, а?

Толпа. Вперед! На Версаль!

Вооруженные мужчины и женщины с песней идут вниз по лестнице

Полина *(среди запева)*.

«Любит он свободу, как я люблю его.
Смерть со славой лучше жизни в униженье!
Смело, коммунары, мы пойдем в сраженье!
Любит он свободу, как я люблю его!»

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Вторая (средняя) часть сцены

Зажигается свет. На сцене кафе под открытым небом около Вандомской площади. На стену падает тень Вандомской колонны с фигурой Наполеона. Мимо проходят студенты с возгласами. «Да здравствует Курбе!» За столиком сидят Курбе и Беле.

Курбе *(поднимается и стоит в величественной позе, в красном шарфе, освещенный солнцем)*. Спасибо, друзья! *(Садится.)* Какое счастье жить сейчас, Беле. Знаете, в моей жизни бывали такие странные периоды, когда я говорил самому себе: «Гюстав, брось искать правду, не то ты окажешься совсем одиноким!» Но теперь я найду свою дорогу в этом хаосе, найду как член Коммуны, как президент Союза художников! Долой суд, власти и авторитеты. Пусть молодежь познает себя, пусть выйдет к солнцу. Благослови их, боже! Авторитет! Знаете, что я скажу вам, Беле? Мужчина прибегает к силе лишь тогда, когда он уже неинтересен

для женщины Зачем же позволять импотентам управлять нами? Жизнь друг мой — это рост и движение Берн в учителя природу, природа никогда не ошибается Зимой еще можно поддаваться авторитетам, но ведь после зимы наступает весна с ее зеленой листвою, коричневыми ручейками, шальными девушками, и весна выбрасывает вон все авторитеты Пива! Теперь мы рассеем немного весь этот кошмар, при котором авторитеты мешают людям свободно думать Долой памятники войны долой худшии из них — Вандомскую колонну!

Беле Я полностью вас поддерживаю, гражданин Курбе

Курбе Можно ли придумать чтонибудь более гнусное, чем отлить колонну из тысячи двухсот пушек, захваченных в качестве трофеев изу красить ее барельефами, сценами убийств и страданий, а сверху поставить свою собственную фигуру! Нет, говорю я сбросить всю эту дрянь и отхлестать затем Наполеона по его бронзовому заду! Бог ты мой, Беле, люди добры, они хотят любить и работать, дышать свежим воздухом — зачем же им убивать друг друга? А ведь к этому и призывает Наполеон с высоты Вандомской колонны Вы знаете, что сказал его племянник, Луи Бонапарт, до того как был избран императором и начал воевать? «Вон тот наверху, — мой лучший из бирателей», — сказал он Он будет всегда стоять там и призывать к войне, славе и подлости ести мы его не обуздаем Я бы уже давно сташил его вниз Вы, наверное, читали мое обращение к немецкой армии, написанное во время осады?

Беле Ну конечно

Курбе «Давайте ваши пушки, — писал я, — мы перелеем их вместе с нашими и воздвигнем на Вандомской площади новую колонну Франции и Германии колонну дружбы, мира» Что может быть проще и лучше? Но наглец Бисмарк даже не отвел Он сделан из того же теста, что и этот бандит Наполеон А вообще немцы — превосходные люди, Беле Они любят прогресс, высоко ценят мое творчество, мои картины висят в Берлине Мюнхене и Дюссельдорфе В Германии я имел колоссальный, фантастический успех Однажды появлялся у меня в мастерской молодая и очень застенчивая баронесса «Я должна была вас увидеть!» — восклицает она — Я не могла ждать Вы похожи на ассирийского царя» Это к ней относилась моя знаменитая реплика «Она будет моей, даже если придется взломать для этого ее дверь» Почему же мы должны враждовать с немцами?

Беле Да, мы хотим мира Когда мы низвергнем колонну, гражданин Курбе то нанесем такой удар по милитаризму, что он отзовется во всем мире Свалив колонну, мы скажем правду о версальских генералах Мы хотим тишь добра и справедливости

Курбе А затем мы переплавим всю эту дрянь на миллионы медных монет, и деги будут покупать на эти деньги свежий ароматный хлеб Да, мы свершим великие дела! (Пьет) Лишь одно гнетет меня я ничего не пишу Теперь у нас дома, в Орпане весна Там у меня есть ослик, который возит мои рисовальные принадлежности на маленькой

тележке Его зовут Джером, по имени одного профессора Академии художеств Сегодня я, конечно сидел бы в лесу, в сумраке зеленой чащи прячутся косули Когда я скучаю по ним здесь в Париже, то играю на рожке и ясно вижу их меж деревьев Хотите послушать, Беле? Сегодня я не удержался и взял рожок к себе в кабинет, в министерство (*Играет на рожке*) Ну как, видите косуль?

Беле О конечно

Курбе В них есть что то волнующее в этих косулях, я ощущаю это все сильнее из года в год Они такие нежные и хрупкие (*Подпирает голову руками и говорит с глубокой тоской*) Такие хрупкие И в том лесу тишина Беле Я так ее люблю

Невдалеке разрывается граната Входят полковник Россель и Делеклюз

Делеклюз Гражданин Россель только что прибыл с передовой позиции Он рассказывает потрясающие вещи Гражданин Беле, вам необходимо вмешаться, использовать все ваше влияние председателя Коммуны Все должны помочь нам, в том числе и вы, Курбе

Россель Так больше продолжаться не может Чтобы спасти Париж, мне нужны более широкие полномочия В войсках нет дисциплины Если солдатам не нравятся командиры, они их просто смещают Это право предоставлено им Коммуной и оно должно быть в них отнято Мне нужны офицеры, не уступающие офицерам врага, а у меня их нет Совсем нет

Курбе Почему же офицеры не хотят сражаться за нас, за справедливость?

Россель Армия строится на авторитете, а новые еще не отстоявшиеся идеи плохо укрепляют его Думать — значит сомневаться Это не идет на пользу ни командирам, ни подчиненным Поэтому у нас нет ни армии, ни офицеров

Курбе Авторитет — неужели мы никогда не изживем это слово? Сейчас я неожиданно понял почему многие хотят стать офицерами Для бездарных людей это единственная возможность стать богами Бессильные смогут испытать наслаждение власти Поэтому они нас и ненавидят, ведь мы выдвигаем тех, кто созидает и творит Вы счастливый человек, гражданин Россель, ведь вы стоите во главе людей, у которых есть, конечно, свои недостатки, но зато это свободные, мыслящие люди!

Россель Моя задача, гражданин Курбе, — отбить войска версальцев а вы мешаете мне ее выполнить К черту свободных, мыслящих людей, важно, чтобы они могли сражаться!

Беле Это необдуманные слова гражданина Россель!

Входит Риго

Делеклюз Он прав!

Россель Я вам говорю если наши солдаты не будут подчиняться командирам так же слепо, как версальские дело Коммуны погибнет Можете выбирать (*Уходит*)

Курбе Что он хотел этим сказать?

Риго Он хотел сказать, что вторая революция однажды выдвинула своего Бонапарта

Курбе Этому не бывагь!
Беле Не хочет ли он предать дело, за кото
рое мы боремся?

Риге Пока я жив, этого не будет!

Становится темно

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Лестница слева Смеркается На валу караульный сол
дат Национальной гвардии Пьер сидит и курит

Солдат Пароль!

Россель (*снизу*) Жизнь за Коммуну!

Солдат Проходи!

Россель поднимается по лестнице

Россель Гражданин Лассаль, вы были среди
тех, кто покинул вчера свой пост без разрешения

Пьер (*неохотно поднимаясь*). Да

Россель Куда вы ходили?

Пьер В город

Россель Сегодня я вас предупреждаю в по
следний раз Поимите — без дисциплины мы не
можем сражаться

Пьер Дисциплина! Вот как! Значит, нам на
до сражаться за дисциплину? А раньше говорили,
что мы будем сражаться за свободу

Россель Слушайте, вы же знаете, что мы бо
ремся за свободу!

Пьер А я думал, мы уже добились ее Разве
не в ее честь мы ходили по улицам и кричали
«ура»? Или все это лишь красивые и громкие сло

ва? Вы хотите, чтобы я дрался и, может быть, из
дох; но тогда мне не придется ни одного дня на
сладиться свободой, испытать ее, узнать, стоит ли
она чего-нибудь Бороться! За что? Больше не мо
гу! (*Хочет уйти.*)

Россель (*выхватывая револьвер*) остано
виться!

Пьер Тогда придется стрелять по многим
Это вам не Версаль

Россель (*прячет револьвер*) Вы сошли с ума
Но таких, как вы, — большинство и я должен счи
таться с этим

Пьер Черт возьми, я пойду туда Хочу сна
чала поглядеть на эту свободу Хочу знать, за что
мне нужно сражаться (*Спускается вниз по лест
нице*)

КАРТИНА ПЯТАЯ

Правая часть сцены Отдельный кабинет ресторана на Елисей
ских Полях Риге за столиком, ест Перед ним стоит като
лический священник Позади в полутьме сидят два
полицейских агента, сопровождающих Риге — Брюнель и
Пельерен Официант открывает новую бутылку шам
панского и наливает Риге

Риге (*вытирает губы салфеткой и пере шты
вает какие-то бумаги*) Ваша должность?

Священник Служитель господа бога

Риге Местожительство вашего хозяина?

Священник Повсюду

Риге Повсюду? Да, этот удивительный бро
дьяга, у которого вы якобы служите, действитель
но повсюду имеет большие, хорошие дома, даже в

самой жалкой деревеньке и самом нищенском квартале У него всегда можно найти припрятанные богатства а иногда и оружие В тюрьму патера!

Пельрен ведет священника к выходу на улицу где стоят вооруженные солдаты Национальной гвардии, и тотчас же возвращается

(Очищая грушу, обращается к Брюнелью) Поступают жалобы, что ты плохо обращаешься с заключенными Беле, Варлен и чуть ли не половина Коммуны вне себя от возмущения Ладно-ладно, я знаю, ты хочешь сказать, что тебя самого стегали кнутом, когда ты был на принудительных работах Но скажи давал я тебе подобные приказы?

Брюнель Нет

Риго *(угрожающе)* И все же ты делаешь это *(Пьет)* Прямо удивительно, какое у тебя верное чутье И совсем неплохо, что просочились слухи о плохом обращении Но теперь этому надо положить конец, понимаешь?

Брюнель Да

Риго Глупцы! В Коммуне не понимают всей серьезности положения Там считают что я должен наказывать только за те преступления которые уже совершила буржуазия Но мы должны предупредить и те преступления, которые она только собирается совершить

Пельрен Совершенно верно

Риго Ты говоришь — верно? *(Жестко подзывает его к себе)* Ты, может быть, думаешь, что твои мелкие проделки входят в мои планы? Сегодня утром во время обыска ты стащил три тысячи

франков Молчать! Мои агенты следили за тобой Теперь никто не останется безнаказанным Я поклялся избавить Париж от уголовных преступников Арестовать его!

Пельрен Но, гражданин Риго
Риго Молчи, не то хуже будет

Брюнель отводит Пельрена к дверям и передает его двум солдатам Национальной гвардии

(Брюнелью) Нанди мне женщину Пусть подождет, пока я вернусь Только смотри не из этого ресторана, чтобы не знала меня, и притом здоровую Ту негритянку, что ты притащил недавно, мне пришлось немедленно отправить в отделение для сифилитиков Если это повторится, я тебя расстреляю за покушение на общественную безопасность

Девушка *(судя по внешности, из буржуазной семьи врывается в комнату)* Гражданин Риго, я должна поговорить с вами!

Брюнель *(с усмешкой)* Видно, я больше не понадобится

Риго Нет

Брюнель уходит

Девушка Мои отец арестован неделю назад С тех пор мы ничего не слышали о нем Мать целыми днями плачет Вот я и пришла к вам

Риго Уходите Ваш отец мошенник

Девушка Нет, он не мошенник Вы же его не знаете

Риго И знать не хочу

Девушка Не заставляйте нас так страдать

Риго Я меньше всего думаю об этом

Риго Да, Марсель Баррес тоже Все они бы-
ли любовниками Сильвии Жерар Тебя она тоже
мучает? Это тебе наказание за твой вульгарный
вкус

Рене Ты говоришь так о самой красивой жен-
щине Парижа

Риго Совершенно верно Но настоящие зна-
ток ценит неизвестные картины и неизвестных жен-
щин Тщеславие в самом себе таит наказание, при-
знанное и оцененное предполагает наличие цен-
ителей

Рене Они купили ее своими проклятыми день-
гами Уничтожь их Чтобы ни у кого не осталось
беспутных воспоминаний о ней Чтобы они не мо-
гли больше смотреть на нее улыбаться и насла-
ждаться воспоминаниями Дай мне убить их! Я прев-
ращу их физиономии в кровавую кашу Будут они
у меня улыбаться!

Риго (звонит) И в таких растрепанных чув-
ствах ты посмел прийти сюда и сообщить всего че-
тыре имени? Смех и болтовня всего города должны
были разжечь твою ненависть, а ты не сумел даже
сочинить чегонибудь поумнее!

Входит солдат Национальной гвардии

Арестуйте

Рене наклоняет голову

этих четырех граждан (Дает солдату список тот
уходит) Тебе я больше не доверяю, но я верю в
деловой нюх мадемуазель Жерар Я думаю она
предпочла бы знаться с нашими классовыми вра-
гами, если бы могла свободно выбирать

Рене Зачем же и ты меня мучаешь?

Риго Потому что презираю тебя Эта работа
должна быть бесстрашной как математика, а ты
носишься со своими жалкими личными пережива-
ниями Мне надоело возиться с тобой Ступай!

Варлен (стоит в дверях Рене проходит ми-
мо него) Не могу сказать, чтобы я был рад видеть
вас здесь

Риго Не говорите так Веселитесь с веселыми

Варлен Вы нечестный человек, гражданин
Риго Мы постановили выдавать каждому члену
Коммуны пятнадцать франков в день Вы тратите
тысячи Вы крадете их у бедняков Своей бесстыд-
ной жизнью вы подрываете общий авторитет

Риго В чьих глазах? Говорите прямо в гла-
зах буржуазии Я действую так как считаю пра-
вильным и думаю прежде всего не о бережливос-
ти а о том чтобы действовать эффективно Вам
же и вам подобным я предоставляю бежать по за-
седаниям комитетов и толочь воду в ступе

Варлен А вы не можете выполнять свои
обязанности без обмана?

Риго Великолепный, непорочный, сверхчест-
ный Варлен! Если вы истратите в день хоть на од-
но су больше пятнадцати франков, я вас арестую
Вы работаете чтобы улучшить положение пекарей
Вы засыпаете вечером усталый и с чистой сове-
стью Все ваше существо проникнуто одной мыслью
пятнадцать франков Моя же работа несколько ино-
го рода Нервы мои должны быть напряжены, бди-
тельность неусыпна я должен знать и предвосхи-
щать все события в Париже Для этого мне пуж

на не разумная радость труда как вам но шлюхи и вино И я намерен продотжагь в том же духе

Вартен Мне стыдно за вас Коммуна всячески борется с проституцией Возмутительно что один из нас цинично использует этих несчастных

Риго Уничтожайте все но хотите тишь бы для меня осталось достаточно Какого же рода женщин вы мне предложите? Много есть таких которые хотят чего то добиться от меня Такие не нужны Я не собираюсь также злоупотреблять трогательным доверием жены патача которая охотна «разделитя» бы со мною мои заботы! Моя работа гребует одиночества Итак шлюхи

Вартен Когда я слышу от вас такие слова гражданин Риго я прихожу в ужас и мне хочется спросить вас разве мы совершили эту революцию не во имя человеческого достоинства?

Риго Нет и еще раз нет Наш первый долг — уничтожать Вашу меткобуржуазная честность — это последнее с арого мира И если я всего тишь микроб вызывающий гниение все равно я приношу больше пользы чем вы

Варлен Разве гниение — цель?

Риго Когда все будет разрушено разум по строит новый мир В этом мире мне не будет места Не должно быть (Пьет) Что вам угодно?

Вартен Я вызываю вас на заседание Коммуны гражданин Риго День и ночь я получаю жалобы на ваши самовольные и несправедливые аресты Вы расстреливаете людей без суда Вам следовало бы знать что Коммуна против террора и кровопролития

Риго Скажите граждани Варлен могли бы вы умереть за Коммуну?

Варлен Да

Риго И несмотря на это вы осмеливаетесь утверждать что вы против кровопролития? Хотите проливать свою собственную кровь но не чужую? Вас быть может это удивит но взгляды за которые вы так прочно держитесь очень стары и реакционны это — христианские взгляды Вы можете быть свободомыслящим голосовать за разрушение церкви и упразднение духовенства но вы владеет жажда поражения и собственной смерти Не пора ли нам покончить с такими взглядами? Бесспорно во время революции некоторые люди не в состоянии понять смысл происходящего Они так ревностно цепляются за собственность и традиции что при первой же возможности окажут нам ожесточенное сопротивление Целесообразнее всего их уничтожить

Варлен Нет! Даже говорить так бесчеловечно

Риго Гражданин Варлен я вырос среди тицемерных людей и тот страх который вы сейчас проявляете знаком мне до отвращения Буржуазное общество одобряет войну — степое беспорядочное уничтожение безвестных людей А террор — планомерное уничтожение определенных врагов — воспринимается с отвращением Почему? Потому что человек боится познать самого себя Убивать он старается во мраке А я хочу убивать при свете при свете моего разума

Варлен Я ненавижу войну в любом ее про

явлении Ибо всякое насилие вызывает ответно насилие

Риго Правильнее было бы сказать насилие останавливающееся на полпути порождает насилие но великое все уничтожающее насилие ведет к миру (*Поднимается*) Вы не представляете себе всей серьезности положения Вы думаете что наши солдаты удержат позиции? Нет А в тылу предательство уже ставшее источником дохода Версальцы предлагают пять тысяч франков за переход к ним одного батальона тот же кто открывает городские ворота получит десять тысяч Ненависть и месть ждут лишь нашего поражения чтобы вспыхнуть Нечего учить меня на каждом шагу Я справлюсь если меня оставят в покое ибо я беру на себя ответственность не только за свою собственную смерть как вы но и за смерть других (*Внезапно останавливается перед Варленом*) Берегитесь! История знает случаи когда революция убивает своих приверженцев

Варлен Я буду бороться с вами до последнего вздоха потому что ваш путь — путь смерти Вы виноваты в том что даже друзья наши перестают сочувствовать революции

Риго Повторите как еще раз Это величайшее Сочувствовать революции! Полагают что величайшим моментом жизни является рождение ребенка Бывает что женщина мучается от боли кричит как дикая зверь и кусает руку протянутую ей с дружеским сочувствием Всякая новая жизнь рождается в крови

Темнеет

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Лестница с левой стороны Архиепископ Парижский и несколько представителей духовенства в окружении солдат Национальной гвардии Некоторые солдаты держат в руках горящие факелы

Капитан Национальной гвардии
Гражданин архиепископ Именем Коммуны вы арестованы по обвинению в заговоре с Версальским правительством

Архиепископ Дитя мое послушайте меня!

Капитан Национальной гвардии
Молчать! Здесь нет детей здесь граждане

Архиепископ (*пооминает свое распятие*)
Да простит вас господь бог

Капитан Национальной гвардии
Я помню как в сорок восьмом году военно-полевой суд приговорил к смерти моего отца Тогда тоже пац готовой офицера который читал приговор висело большое распятие Ваш господь бог должен был благословить убийство И он благословит Так бывает каждый раз когда нужно подавить свободу и надежду А сегодня ваш господь бог вытянувшись в струнку шагает во главе версальских батальонов Гвозди которыми ему прибили руки к кресту теперь пойдут на то чтоб пронзить наши сердца и сердца наших детей Довольно! Мы знаем вас! Прочь!

Солдаты окружают архиепископа и ведут его вниз по лестнице

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Лестница с правой стороны Арестованный полковник
Россель окружен солдатами Национальной
гвардии

Россель (*капитану Национальной гвардии
который держит в руках какую то бумагу*) Можете не утруждать себя чтением. Передайте привет гражданину Риго и скажите, что сейчас я желаю только одного — очутиться в тюремной камере.

Капитан Национальной гвардии. Значит, вы признаете, что предательски сдали оборонительные позиции версальским офицерам — вашим бывшим коллегам, гражданину Россель!

Россель. Вздор. Нельзя вести войну без солдат. Победа немыслима, если все занимаются болтовней и никто не подчиняется. И о тюрьме я мечтаю только потому что там по крайней мере стены будут молчать.

По лестнице поднимается Делеклюз

Россель. Поздравьте меня Делеклюз! Меня отправляют в тюрьму. Там я наконец обрету покой!

Делеклюз. А кто примет на себя командование?

Россель. Вы. Так постановила Коммуна. Я желал бы вам лучшей участи.

Делеклюз. Я не могу.

Россель. Вас заставят. Вы единственный человек, на которого можно положиться.

Делеклюз. Я не могу взять на себя такую

огромную ответственность. Я ведь ничего не понимаю в военном деле.

Россель. В этом ваше счастье. Разбирайтесь вы в военном деле, вас расстреляли бы ваши же товарищи.

Солдаты уводят Росселя вниз по лестнице.

Делеклюз (*кричит ему вслед*). Россель, вы должны помочь мне Россель!

Грохот барабанов.

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

Во время последней сцены на лестнице все декорации — ширмы закрывающие глубину сцены — отводятся в сторону. В темноте слышится раздраженный голос Риго прерываемый грохотом барабанов.

Риго. Арестовать его! Произвести в доме обыск! Вы предатель. Он тоже. Он тоже. Все предатели. Я расстреляю вас.

Наступает мертвая тишина. Включается свет. Огромный выкрашенный белой масляной краской зал с колоннами. Над колоннами блестят золотые буквы «Banque de France»¹. Это кабинет директора банка. Красная ковровая дорожка тянется по блестящему белому полу от письменного стола к зрительному залу. В этом огромном роскошном зале сидят и разговаривают два человека — директор банка и маркиз де Плек и тайный представитель Версальского правительства Дабрен.

¹ Французский банк (Франц.)

Директор банка Господин Тьер разумеется, получит то, что он желает Мы должны действовать с величайшей осторожностью но мне кажется, я могу обещать что эти несколько сотен миллионов франков ночью же будут в Версале

Дебрен Господин Тьер просил меня передать вам ни одна сумма, взятая из Государственного банка Франции, еще не оказывала родине большую службу, чем эти деньги на них будет создана армия для уничтожения социализма

Директор банка Передайте привет господину Тьеру и скажите ему, что его войскам не следует выжидать слишком долго

Дебрен Через восемь дней мятеж будет подавлен Офицеры и солдаты воодушевлены лишь одним желанием — победить

Директор банка А вы уверены, что наша судьба будет решена через восемь дней нашей храброй победоносной армией?

Дебрен Что вы хотите сказать?

Директор банка Здесь, в подвалах банка, хранится ценностей на два с половиной миллиарда франков Как только Коммуна наложит руку на эти деньги, нам конец Тогда у них хватит средств на все на оружие, на грандиозные социальные эксперименты и, что самое важное на подкупы Наша судьба решается в этих четырех стенах Фронт проходит здесь, и я один сдерживаю его

Дебрен Маркиз! Я восхищаюсь вами вы остались на передовом посту в такое время когда многие бежали

Директор банка У меня не было выбора И с каждым днем я все сильнее привязываюсь к этому месту Представьте себе на плечи одного человека вдруг ложится ответственность за все, что есть ценного на свете, за общественных порядок, за цивилизацию Эта ответственность лежит на мне Как она ни тяжела, но в ней мое счастье Такое счастье выпадает на долю немногих

Дебрен Но ведь это связано с непрерывной опасностью

Директор банка Да Однако наши дела не так уж плохи Своим представителем в Государственный банк члены Коммуны назначили самого честного из своих рядов, старого Беле Этим они спасли нас — во всяком случае, до сих пор Что создает репутацию честного человека в той нищенской среде, в которой родилась Коммуна? Уважение к мелким суммам Да! Старый Беле честен до мозга костей Всю свою жизнь он вел тщательный учет каждому заработанному су Он исполнен священного трепета, когда требует миллион франков Но он его не получит! Всякий раз я рисую ему перспективу банкротства не потому, что какой то миллион франков имеет значение для Государственного банка, но чтобы удержать его в пределах мелких сумм Я заверяю вас, господин Дебрен, каждый вечер я молю милосердного бога сохранить для меня старого Беле Он прекрасный человек, он желает создать более справедливы мир, но он даже представления не имеет о том, что такое миллиард Он называет себя со

циалистом но ему не хватает фантазии которая нужна для того чтобы свергнуть существующий режим С самого детства его приучали к тому что мы считаем идеалом для простых людей — к безрежиссивности и честности Мы вселити в него страх перед незаконием Иногда в минуты оптимизма я думаю что наш строи имеет непобедимого союзника — страх самих социалистов перед социализмом А затем я вдруг представлю себе если явится кто то другой или будет принято какое нибудь роковос решение — на коней

Дебрэн Есть опасения что Беле будст смещен?

Директор банка Я знаю — Риго жаждет попасть на эту должность Но не думаю чтобы его допустили Его не считают достаточно честным ведь он курит дорогие сигары — по несколько франков за штуку Пока он к счастью занят своим довольно безвредным делом — террором и арестами заложников

Дебрэн Разве можно назвать это безвредным делом? Двое моих родственников сидят в тюрьме и может быть их ожидает смерть Нашего преподобного архиепископа жде га же участь

Директор банка Я не хотел о корбить ваши чувства и разрешите мне справедливости ради добавить что мой собственный брат и другие близкие родственники тоже находятся в тюрьме Но я смотрю на дело с иной точки зрения и знаю что господин Тьер относится к этому точно так же

Дебрэн Господин Тьер наоборот чрезвычайно возмущен террором Риго

Директор банка Разумеется Но пошевелили ли он хоть пальцем чтобы спасти заложников? Ведь он может освободить их в любой момент если взамен выдаст Коммуне несколько изпленных мятежников Я понимаю господина Тьера и согласен с ним Мы испытываем боль и негодование думая об этих несчастных в гюрьме и когда нибудь мы отомстим за них Но мы не должны допускать чтобы нашими действиями руководитососрадание к ним Если мы выполним хоть одно требование Коммуны она выставит новые и более опасные требования Может случиться что тогда они посягнут на единственного реаниго загожника — на золотые слитки Государственноо банка Франции Их я буду защищать до последней капли крови Но передайте господину Тьеру чтобы он поторопился с помощью В любую минуту может произойти катастрофа Если измнится ход события террор затронет и нас И в ту же секунду войска господина Тьера будут разгромлены До свиданья господин Дебрэн

Дебрец Храни вас бог! (Адолф)

Вход т делурниги оф цер ох аи блнк и жилин
пред нами ттрочу ре ичу ет зек

Офидер Господич Бетс

Вход т Бетс Офицер удт етс

Директор банка С каким печальным известием вы пришли сегодня?

Бете Я принсс вам распоряжение от ражда
нина Риго

Директор банка Садитесь

Бете Он требует распустить охрану банка
Здание будет занято батальоном наших солдат

Директор банка Разрешите мне ответить
сразу Этого не будет

Бете Это приказ

Директор банка У меня есть другие
приказы

Бете От кого?

Директор банка От правительства

Бете Ах вот как Этого я от вас не ожи
дал Я верил в вашу лояльность и несколько раз
ручаться за вас Теперь же вы сами признаете что
подчиняетесь приказам из Версаля

Директор банка Я имею в виду другое
правительство *(Передает Бете документ)* Про
читите! Вот постановление об охране банка

Бете Оно подписало *(считрит)* Дантоном?
Датировано четвертым марта тысяча семьсот де
вяносто второго года Дантон! Эта бумага подпи
сана Дантоном!

Директор банка Да постановление было
издано во время Великой революции в эпоху ко
торой Франция обязана всем ценным что мы се
годня имеем Я признаюсь что предпочитаю под
чиняться гражданину Дантону а не гражданину
Риго

Бете Лично я питаю встичайшее уважение
к вашим чувствам и сегодня же вечером представ
лю Коммуне это постановление

Директор банка Я благодарен вам и по
лагаюсь на вас

Бете Коммуна реквизирует сегодня один
миллион франков

Директор банка К моему глубокому со
жалению я не могу выдать вам такую сумму

Бете Она нам необходима

Директор банка Я не могу взять на се
бя эту ответственность

Бете Перед кем же вы несете ответствен
ность гражданин де Плек? Вам придется отве
тить мне на этот вопрос

Директор банка Я отвечу Однажды в
минуту откровенности вы сказали мне что яв
ляетесь сторонником Интернационала Я тоже Госу
дарственный банк Франции органически связан с
мировой экономикой Если вы вторгнетесь сюда
это отразится на жизни людей всего земного шара
Заводы останутся не только в нашей стране но
и в Лондоне Вене и Нью Йорке Люди которых вы
называете товарищами останутся без работы без
куска хлеба и будут проклинать вас Вы несете от
ветственность перед Коммуной я несу ее перед
всем миром Мы оба люди убеждения Прошу вас
уважать мои Я могу выдать вам только пятьсот
тысяч франков

Бете Коммуне необходим миллион

Директор банка Подумайте хорошенько!
Разве я лично не хочу пойти вам навстречу? Вы
ведь безусловно ответите «Да он хочет» Сегод
ня вечером вы доложите Коммуне о моем положе
нии Но я не могу дать вам ту сумму которую вы

просите Ну хорошо Хотя это и против моих убеждений я дам вам шестьсот тысяч Чтобы позвать мою добрую волю

Беле Давайте деньги Я понимаю вам не легко гражданине Плек Вы сказали — добрая воля Да я верю в все Добрая воля людей спасает мир

Директор банка Вот именно Сотрудничество Вот распоряжение *(Откидывается в кресле)* Не хочу огорчать вас но все же скажу что я буду очень рад когда все это кончится Я поеду на какую нибудь тихую речку в Турене и ранним теплым утром буду ловить форель

Беле Странно что вы говорите об этом Я тоже люблю половить форель

Директор банка *(заинтересованно)* Скажите а где вы рыбачите обычно?

Беле Я знаю много маленьких речек недалеко от Парижа Там я и рыбачу по воскресеньям

Директор банка По воскресеньям? И не стыдно вам?

Беле *(немного оскорбленно)* Гражданин Плек! Вы забываете что я атеист

Директор банка Когда наступят более счастливые времена приезжайте ко мне на рыбачку Мы с вами часто в силу необходимости бываем не согласны но я научился уважать вашу неподкупную честность Я обещаю вам хорошие уловы Бывало мне попадались форели восьми вершков длиной

Беле Ну до этого пожалуй еще далеко Признаюсь только что мне было приятно беседовать

с вами Здесь я чувствую то о чем следует помнить именно в эти дни то что все мы — люди

За сценою слышен звук «К оружию» выстрелы звук гонимых

Директор банка *(у окна)* Это Национальная гвардия Она собирается занять банк Вы должны помешать этому Вы обещали

Беле *(устало)* Я с самого начала был против этого

Директор банка Вы бессильны?

Беле А если так что вы будете делать?

Директор банка Драться до последнего человека У меня четыреста солдат и на каждого я полагаюсь как на самого себя Мы будем драться — сначала у ворот затем во дворе потом на лестницах и наконец в подвалах

Офицер *(входит)* Мы закрыли ворота Капитан Национальной гвардии хочет говорить с гражданином Беле

Директор банка Проводите его сюда под охраною

Офицер уходит

(К Беле) Я не боюсь смерти но вы возьмете на свою совесть кровь многих людей И не забудьте как только падет последний из нас — вы проиграли

Капитан Национальной гвардии *(входит)* Я прибыл с приказом от гражданина Рио Банк должен быть анят

Директор банка Банк будет защищаться до последнего человека

Капитан Национальной гвардии
Вы думаете, господин маркиз, ваша жизнь настолько драгоценна, что мы предпочтем разойтись по домам, чем подвергать ее опасности? Гражданин Риго истреблял господ и поважнее вас

Беле Следует подождать, пока я представлю Коммуне новые важные сведения

Капитан Национальной гвардии
Мы не будем ждать!

Директор банка (*капитану*) Вы ошибаетесь, считая, что моя жизнь не имеет никакого значения Вы думаете, я взываю к вашему чувствительности, что я буду просить — не убивайте меня мои дети будут плакать? Есть кое что поважнее Если вы убьете меня, двадцатифранковая ассигнация не будет стоить и бумаги, на которой она напечатана на Ценность бумажных денег определяется доверием к банку, который их выпускает Если вы убьете меня, вы убьете доверие к Государственному банку Франции И тогда все узнают закона больше нет, здесь господствует насилие, или, другими словами, больше ничто не обладает ценностью Вы говорите, что хотите блага рабочим Но когда вы после моей смерти выплатите рабочим их заработок, то они смогут купить на него один единственный товар — голод, и вы окажетесь мошенниками (*Холодно, резко*) Начинайте Штурмуйте банк, убейте всех до одного, обманите рабочих!

Беле Гражданин капитан Как председатель Коммуны, я приказываю вам увести солдат

Капитан Национальной гвардии
А если я не подчинюсь?

Беле Тогда вам придется убить и меня
Капитан Национальной гвардии
Вы понесете ответственность за это, гражданин Беле

Беле Я беру ответственность на себя

Капитан Национальной гвардии уходит

Сегодня вечером я подам в отставку Я старый человек и не в силах выносить больше подобные сцены

Директор банка (*убеждающим тоном*)
Вы не имеете права отказываться от вашего гражданского долга Вы должны использовать всю вашу власть и авторитет, чтобы остановить беззаконие Обещайте мне не подавать в отставку Я просто не могу обойтись без вас

Занавес

ТРЕТИЙ АКТ

Большая баррикада поперек
живает улицу. Наверху на
баррикаде работают Люсьен
и Полина Луи Мари
Мишель Мартен Рене
и много других рабо-
чих. У самого края справа у
стены дома узкий проход.
Здесь стоит на посту Морис
с ружьем в руках. Он в воен-
ном мундире, который ему за-
метно велик. Господин и дама хотят пройти
через проход (на сцену). Оба чрезвычайно взволнованы.

Морис (останавливает их). Один камень
Господин (возмущенно). Ты же слышишь,
что начинается перестрелка. Нам нужно пройти в
безопасное место.

Морис. Клади камень! Каждый должен по-
мочь строить баррикаду.

Люсьен (стоит почти над головой этой па-
рочки). Ты говоришь — в безопасное место?

Полина. А почему бы тебе не сбросить палец
то и не остаться тут чтобы цраться?

Люсьен. Ведь ты тоже конечно с нами а?
Господин. Я за народ. Безостовно! Читайте
нам проиги.

Люсьен. Клади камень, черт возьми!

Господин. Быстро кладет один камень наверх. Вспомни. ГИ и
Роза

ГИ (даме). Горячие осколки. Купите горячие
осколки от снарядов. Они только что упали вон
там рядом.

Дама (в ужасе господину). Я больше не мо-
гу. Поидем же!

Роза. Всего два франка!

Полина (передразнивает даму). Она больше
не может слышать?

Морис (опускает ружье, говорит убеждающе).
Я думаю вам действительно стоило бы купить
осколки. Хороший сувенир!

Господин (пожимая камень). Ну, хватай
парень. Сбери ружье, не то оно выстрелит.

Морис. А оно для того и сделано.

Господин (дает Розе монету). Вот тебе
деньги, маленькая чер.

Морис. Что ты там сказал? Кажется «та
здравствует Коммуна»? Ну, как скажи еще раз!

Люсьен. Правильно! Еще раз!

Господин (сквози зубы). Да здравствует
Коммуна! (Поспешно уходит вместе с дамой.)

Их провожают смехом.

Люсьен (к Рене). Дай ка сюда еще несколь-
ко камней.

Рене подает камни.

Полли (вытирает пот со лба). Ну, теперь думаю
все будет в порядке. Пусть приходят.

Люсьен Передай ка мне сюда ружье, Морис Я попробую как его здесь приладить (*Прицеливается из ружья*) Хорошо Вот тут я и встану

Полина А я вот здесь

Рене А мне можно встать рядом с вами?

Люсьен Конечно, становись

Полина Ты не голоден, Люсьен?

Люсьен А? Ты дело говоришь Пожалуй нам не скоро удастся поесть снова Доставай хлеб

Большинство садится Некоторые остаются дежурить на баррикаде

Люсьен (*раздавая*) По куску колбасы которую я конфисковал именем народа Идите сюда ребята!

Полина (*пьет из бутылки*) Как приятно снова быть на родных улицах

Люсьен Да! Черт знает как противно вальтаться в канавах и день за днем смотреть на дурацкую деревенскую жизнь Я так обрадовался, когда Делеклюз сказал что мы должны вернуться в город Да здесь хорошо

Мари И приятно знать что ты недалеко от дома Ничего не стоит забежать к сынишке

Мартен (*резко*) Если так будет продолжаться, мы действительно скоро будем дома на своей собственной улице

Люсьен Эй замолчи ка лучше!

Полина Правильно, чего он там болтает

Морис (*Розе и Ги*) Неужели они нас прогонят отсюда?

Ги и Роза Нет

Мартен Подождите когда они пустят в ход свои митральезы, вы по другому заговорите Люсьен Брось болтать!

Мартен Как писали в газете, генералы по тому и начали войну с немцами что как раз перед тем была изобретена митральеза и они захотели испытать ее А немцы оказались хитрее и теперь генералы тренируются на нас И говорят они здорово научились стрелять за эти недели

Луи Ничего мы тоже научимся

Мартен Да у нас всего то одна единственная

Люсьен Зато стоит двух Луи — парень хоть куда

Морис Хочешь посмотреть как я быстро могу сменить ленту?

Ги Дай мне тоже попробовать

Морис (*показывает*) Смотри сюда Делается моментально

Люсьен Правильно Морис!

Морис Я и стрелять могу если понадобится (*Подражает стрельбе из митральезы*) Та та та та Так и посыплются твари один за другим

Роза (*гладит рукой митральезу*) Ты хорошая хорошая

Дети (*поют*)

«Версальцам нас не испугать!
Их ждет огонь их ждет железо!
Для коммунаров митральеза —
Сестра, жена, подруга мать»

Морис. Когда вырасту, я буду механиком и сам буду делать митральезы.

Мишель. Значит, извозчиком ты не будешь?

Морис. Я вот что тебе скажу, Мишель. Я думаю, что тогда это не понадобится.

Луи (*Мартену*). Поменьше бы ты пил, слышишь! Скоро начнется.

Мартен (*со смехом*). Да, скоро начнется.

Луи. Перестань смеяться. А если не можешь, то убирайся прочь.

Мартен. С этой повязкой меня убьют, где бы ни пашли. Все одно, тут или там.

Луи. Как ты не понимаешь, что мы боремся за самое великое на свете! За право на труд!

Ги. И тогда никого не смогут уволить с работы?

Мартен. И за право издыхать.

Луи. Да, лучше умереть, чем жить, как прежде.

Стрельба приближается, все прислушиваются.

Люсьен. Дерутся на Вандомской площади.

Луи. Проверьте ружья, ребята!

Все расходятся по своим местам. Луи возится с митральезой. Люсьен, Полина, Рене сидят справа с ружьями. Дети во круг Мишеля. Морис чистит ружье Мишеля.

Люсьен. Да, будет дело!

Мишель. А как дорого стоит эта война! Говорят, каждый день обходится в несколько миллионов. И деньги идут на то, чтобы жечь дома и

убивать людей. А что если бы люди захотели немного получше жить! Если бы, например, на эти деньги они выезжали за город. В лесу сейчас так хорошо, столько зелени. Мы весной часто ездили в лес. Вместе с Мартой. Когда нам выпадал случай. Пассажиры уйдут, бывало, гулять, а мы стоим у края дороги и ждем. Частенько подолгу приходилось их ждать. Но так уж водится у молодежи.

Люсьен. Что скажешь, Полина?

Полина. Хорошо. Не хуже, чем на нашем кладбище.

Мишель. А мы с Мартой тоже чувствовали себя неплохо. Я всегда брал с собой и выпить и закусить. А для Марты овса — ешь досыта. Да... Бывало, подымет хвост и давай сыпать золотыми яблоками. Здорово у нее это получалось. Да, те времена никогда уже не вернуться...

Люсьен. Это почему же? Все мы и за Марту твою тоже будем драться.

Полина. Нам не устоять против них, если мы будем думать о Марте.

Люсьен. И о прогулках в лес. (*Склоняется над Полиной и целует ее. К Рене.*) Хорошо, если бы и у тебя была девушка.

Полина. А у тебя ее нет?

Рене. Была одна, да убежала в Версаль.

Полина. Ах вот она какая!

Люсьен. Тогда я могу рассказать тебе в точности, что она за птица.

Рене. Как тебе объяснить... Мы очень мучили друг друга.

Тюсьен Морис поучи ка лучше этого парня как обращаться с ружьем (К Рене) Ну и растя па же ты!

Морис беретса за ружье

Потина (к Рене) Наверное ты ревновал!
Люсьен (Пошине) Ревноват? Если бы ты изменила мне я всадил бы тебе нож в сердце
Потина Лучше нож чем другой мужчина
Рене Пожалуй я ревновал ее к прошлому
Люсьен К прошлому? И у тебя было время думать о нем? Обнял бы ее покрепче чтобы у нее дух захватило она бы и проштое забыла и вообще все на свете

Невда теке рвется сваряд

Полина Вот черт! Разве сейчас здесь время думать о прошлом?

Дети карабкаются на баррикаду чтобы посмотреть на взрыв

Рене Понимаешь Человек никогда не дол жен оставаться наедине с самим собой Он измучает себя испортит себе нервы сондет с ума По этому и хорошо находиться здесь Здесь нас много они несут и жизнь и смерть Я боюсь снарядов но они несут и что то хорошее! Они заставляют забывать о своих собственных переживаниях В этом и заключается свобода Я свободен от самого себя от моего собственного «я»

Люсьен Брось боттать чепулу Наиди ка себе хорошую девчонку старина Их здесь много и все они не прочь

Потина Конечно ести бы рсчь шта о тебе (Поет)

«В теплыи вечер над плещущи тихои регои
От туны мы скриватись в теши в тишине
Там любовь я впервые познатл с тобою
У меня наш ребенок — подарок твои мне»

Мартен А ну его к черту это ружье! (Ува тает гармонику и резко растягивая ее играет оыструю веселую мелодиу канкана)

Потин вскакивает и гланцлет Остальные отойвают такт
Стрельба становитс жестоко енее

Луи Они перешли в атаку на Ван домской площади

Люсьен Этои баррикады им никогда не взять Она как скала

Луи Вам пора домой ребята!

Морис Да уж слышат!

Люсьен Ты что Луи с ума сошел?

Луи (Морису) Ты правда уже совсем взрос тыи а эти двое еше малыши

Ги А нам и идти некуда

Мари Я знаю у нас есть тетка

Ги Ты думаешь нам хочется сидеть дома и ждать пока придут солдаты и заколют нас штыками?

Роза Нет спасибо будь уверен мы то с Морисом останемся

Мари Ты думаешь солдаты будут колоть штыками? Не пойти ли мне домой к сынишке? Ах

если бы только был мир, Луи. Ничего другого не надо, только мира. Чтобы я могла вырастить моего мальчика.

Луи. Если будет такой мир, какого хотят эти дьяволы, то мне жаль твоего мальчика.

Молчание.

Входит Пьер с ружьем на плече.

Люсьен. Это ты, Пьер? Где тебя черти носили? Ты пришел драться?

Пьер. Да.

Полина. Кто-то говорил — ты сбежал. Хорошо, что все-таки пришел.

Пьер. Мне до смерти надоели эти офицеры там на позициях. Они непременно хотят превратить нас в солдат. Спрашиваешь, например: за что мы, собственно говоря, деремся? А они отвечают: «Кругом, шагом марш». Или спросишь: что с нами будет, когда мы победим? А они отвечают: «Направо, шагом марш». Разве это мне хотелось узнать!

Люсьен. А теперь ты узнал, что тебе хотелось?

Пьер. Конечно. Потому я и вернулся.

Люсьен. Ты какой-то чудной. Ты вот все любишь болтать. Только грош цена всем твоим сомнениям. Ясно ведь как день, за что мы боремся. За то, чтобы жить по-настоящему, черт возьми.

Пьер. Жить по-настоящему?

Люсьен. Конечно.

Пьер. Этого мало.

Люсьен (*сердито*). Вот как! Интересно послушать!

Пьер. Очень возможно, что эта твоя «настоящая жизнь» кончится через полчаса смертью или ты останешься калекой и проваляешься десять, двадцать, тридцать лет на своей койке с двумя култышками вместо ног, будешь ждать, когда сосед придет с работы и посадит тебя на горшок. Нет, мы боремся за нечто большее. И теперь я знаю, что это большее действительно существует.

Полина. Ну, скажи тогда, что же это такое, Пьер?

Пьер. Трудно объяснить. Заиграла музыка, и я сразу все понял.

Люсьен. Заиграла музыка?

Пьер. Да. Это было в императорском дворце.

Люсьен. Вот, наверно, интересно!

Пьер. Конечно! Вы знаете Курбе, толстого художника? Он организовал концерты. Туда пускают всех, только приходи.

Полина. Ну и что же дальше?

Пьер. Сначала кто-то пел, а потом начал играть оркестр. Да вы и не представляете себе, что это был за оркестр, больше ста человек. Пятьдесят-шестьдесят скрипок, флейты, трубы, арфы. И вот они заиграли. Тогда я и понял все. Появился смысл в словах, которые я раньше не понимал: «свобода» и «человечество»... Это что-то великое, неопределимое. Может быть, я этого не увижу, но оно существует. И не страшно умирать, раз существует нечто вечное... Стало так радостно на душе оттого, что нас собралось много, несколько тысяч.

И все чувствовали то же самое что и я Это я прочитал на их лицах Нам ведь должно быть много только тогда мы добьемся цели Наступил день когда все люди тоже услышат то что мы услышали вчера

Полина А что это была за музыка?

Пьер (*напевает заключительную тему Девятой симфонии Бетховена*) Кажется какой то немец написал ее Что то похоже на «фон»

Люсьен Может Бисмарк? А я и так понимаю что происходит Здесь мы Против них Это очень просто проще и быть не может

Луи Слушайте стрельба прекратилась! Ребята клянусь версальцев отбросить назад!

Несколько человек Ура! Ура!

Мари А не значит ли это Ты уверен Луи?

Луи Конечно Слушай разве это может означать что либо другое? Да нет черт возьми!

Мартен очень пьяный презрительно смеется Звук военных труб стук копыт

Морис (*наверху на баррикаде*) Это Делеклюз! Он скачет сюда

Все поднимаются наверх

Полина Как он плохо выглядит

Люсьен А все равно улыбается

Появляется Делеклюз Он входит спотыкаясь опираясь на палку

Все Да здравствует Делеклюз!

Луи Прибавьте один камень гражданин Делеклюз!

Все Один камень! Один камень! Один камень! Делеклюз (*улыбаясь кладет один камень на верх баррикады*) А она у вас неплохо сделана

Луи Ну как положение?

Делеклюз Лучше чем когда либо

Луи А на Вандомской площади?

Делеклюз Можете быть совершенно спокойны

Луи (*радостно к Мари*) Ну вот видишь?

Делеклюз Когда у нас под ногами каменные мостовые наших улиц а впереди сложенные из этих же камней баррикады — мы непобедимы Наши родные улицы которые мы любим и знаем тоже поднялись на борьбу превратились в баррикады и сражаются вместе с нами Я передаю вам товарищи привет от защитников тысяч баррикад Они счастливы как и я потому что борьба стала ясной Теперь надо только держаться Перед нами самая легкая задача победить или умереть

Морис (*подхватывает листовку медленно падающую сверху*) Смотрите листовка версальцев!

Люсьен Наверно ее принесло ветром Вон из того дома

Луи Все ставни закрыты

Люсьен Эти свиньи еще покажут себя когда их версальские друзья прорвутся сюда

Делеклюз (*садится читать*) «Соотечественники! Час освобождения близок Виновные будут наказаны без всякой пощады Тьер Президент

Франции» Так и будет У нас только один выход — победа

Морис Делеклюз! На этой истовке те же самые слова что и на плакатах Коммуны «Свобода равенство братство Странно а?»

Делеклюз Нет мой мальчик Ничего странного То за что народ когда то борется и истекал кровью украдено самыми подлыми и жестокими людьми В их мире все — рано или поздно — превращается в чью то сооственность Прекрасные слова «Свобода равенство братство» однажды уже были извоены для человечества в боях и страданиях народа во время Великой революции Эта революция пользуется любовью господина Тьера Он написал о ней объемистое сочинение получив за каждый том по несколько тысяч франков Наша революция — это прогресс а для него лишь блит против собственности Поэтому он и посылает солдат против нас Понимаешь? Чето век может заработать деньги на Правде а затем предать ее в таком случае его место в Версале или же он продолжает бороться за Правду и тогда он здесь вместе с нами Да тогда его место здесь Когда то я думал что Правда может восгоржествовать и другим путем но я ошибался Другого пути нет

Мари Значит никакого другого выхода нет гражданин Делеклюз?

Люсьен Конечно ег!

Делеклюз Я вспоминаю меня вечера на Чертовом острове С моря дули пассаты над нами горел Южный Крест Сильнее любишь силь

нее тоскуешь по дому когда находишься вдали от него Иногда я думаю как должны звезды тобить Землю Чем дашье они от земли тем сильнее тоскуют о ней В эти вечера я мечтаю о невозможном Мне казатось — стоит только вернуться домой и рассказать людям обо всем что я узнал — и сразу будет хорошо Ведь на родине радуется все и земля и солнце и улыбки людей Мне казатось что все почти все люди стремятся к справедливости и братству Я вернулся домой и написал об этом Попал в тюрьму Снова написал Снова тюрьма Теперь я знаю что в мире есть только две силы тюремщики и узники И между ними всегда будет оорьба

Пьер Правильно!

Делеклюз Тюремщики — сильные мира сего палачи из Версая и их помощники — они еще опаснее потому что они равнодушны А узники? Это миллионы людей во всем мире обреченные на голод и унижение Время от времени их выпускают и освобождают от работы на фабриках для того чтобы отправить в новую тюрьму — на войну Мало того Человек его достоинство его разум закованы в цепи С самого детства нам внушают мысль о ничтожестве человеческого природы Жадность провозглашается благороднейшим свойством И постепенно вокруг человека вырастают каменные стены тюрьмы А справедливость помещена в темницу далеко далеко отсюда Зовутся эта темница небом и тысячи тюремщиков в черной сутане следят чтобы справедливость не вырвалась оттуда Даже самого бога посадили в

тюрьму. Но когда мы освободимся сами мы освободим и бога и тогда наступит справедливость и бог будет свободно и радостно ходить по земле. Я уже стар и болен. Тюремщики сильно подорвали мое здоровье. Даже тело мое они превратили в тюрьму. Я болен смертельной болезнью и гляжу на мир сквозь ее решетки. Но я вижу вас и это теплое майское солнце. *(Вдруг вскакивает)* Победа, друзья, победа! Когда я вышел из тюрьмы — а я был в тюрьме и изгнании целых двадцать лет — люди часто говорили мне «Вы мученик за свободу. Делеклюз!» Но каждый раз когда обо мне говорили так я чувствовал отвращение и стыд. Люди не должны быть мучениками. Люди должны быть победителями. Поэтому я всегда ненавижу тюрьму, ведь тюрьма — это поражение. Придет время когда люди не станут наказывать за то что они борются за справедливость. Наступит новая эра. Человек не будет больше подвергаться эксплуатации, он будет пользоваться благами жизни.

Луи *(прислушивается к перестрелке)* Тише!

Мари Опять стреляют!

Луи Это пожалуй не атака.

Выстрелы следуют через равные промежутки.

Скорее похоже что расстреливают пленных.

Выстрел. Мишель падает.

Делеклюз Выстрел в спину. Вот из этого дома Укройтесь!

Люсьен *(склоняется над Мишелем)* Он убит.

Морис *(наклоняется над убитым)* Я не успел!

Тут стреляет из митральезы куда то в сторону.

Делеклюз Надо поджечь этот дом. Вероятно могут засесть там.

Морис Как раз по мне работка. Сожгу дом дотла.

Роза А мы что будем делать если ты увидишь Морис?

Делеклюз Брось парень. Отойти сейчас от баррикады равносильно смерти.

Люсьен На такое дело нужно идти вдвоем. Мы с Поиной проберемся туда по крышам. Возьми как мое ружье. Морис И патроны. Хорошо ведь а?

Морис Конечно!

Рене Возвращайтесь скорее.

Люсьен Ну вот боже мой!

Рене *(Пошине)* Ты же боишься?

Полина Нет! Разве мы боимся Люсьен?

Люсьен Конечно нет.

Полина Ведь нас двое. Мы договорились, если один из нас погибнет другой идет за ним.

Люсьен Можешь не сомневаться в этом.

Полина До свиданья Пьер! До свиданья Морис!

Они уходят с баррикады. Появляется группа солдат Национальной гвардии. Некоторые ранены.

Солдат Национальной гвардии Баррикада на Вандомской площади захвачена. У них

митральезы на крышах Ни один человек не выдержит их огня

Мартеп (*сильно пьяный кричит хриплым срывающимся голосом*)

«Для коммунаров митральеза —
Сестра, жена, подруга, мать»

Луи толкает Мартена так что тот падает

Солдат Национальной гвардии Они расстреливают всех кого захватят И детей и женщин тоже

Делеклюз Ну, этой-то баррикады им не взять

Луи Конечно, не взять
Делеклюз Готовьтесь!

Габриэль Ланжвен во главе большой группы женщин появляется на сцене и хочет пройти через проход на улицу перед баррикадой

Назад, граждане! Версальские войска близко

Габриэль Вот к ним то нам и надо

Делеклюз Вы что, сошли с ума? Это же верная смерть

Габриэль Мы должны пройти туда

Делеклюз Я понимаю, чего вы хотите Но с солдатами брататься бесполезно Сначала они, может быть опустят ружья и притворятся, что не хотят стрелять, но все время будут идти навстречу вам, а когда подойдут совсем близко, откроют огонь Это мы знаем лучше, чем вы

Габриэль Нет, мы не за этим идем

Делеклюз А чего же вы хотите?

Габриэль Мы хотим встать между вами Мы, женщины, — а нас около сотни — решили это сделать (*Оборачивается к женщинам*) Идемте друзья, уже пора Надо только идти спокойно, все время вперед и вперед, пока мы не сделаем свое дело

Делеклюз Остановите их Они сошли с ума

Габриэль Гражданин Делеклюз! Что вы можете предложить людям? Защищаться до последнего человека? Вы хотите залить весь город кровью? Мы хотим спасти его Никто не может остановить нас (*Женщинам*) Верно?

Женщины Верно

Луи Застрелите ее

Габриэль Умереть от вашей пули или от их — для нас нет никакой разницы Мы хотим лишь одного прекратить войну

Делеклюз Мир с палачами! Это значит покориться! Неужели вы не понимаете этого?

Габриэль Если бы мы думали, что любой версальский солдат — патач, тогда вы были бы правы Но мы считаем, что почти все солдаты — это обманутые, заблуждающиеся люди Мои брат тоже среди них

Луи Брат в версальских войсках! Застрелите се к чертям

Морис Оставьте ее!

Габриэль (*Делеклюзу*) Вы считаете, любой противник — это враг? Тогда вы слишком плохо думаете о людях Я знаю, солдат — это человек, который не имеет права думать Он узник, та кой же каким были вы И мы хотим не убивать

узников а освободить их За каждого члов к
которого убиваете вы или убивают они мстят го
товарищи Но если убьют нас мстить не будет
никто У нас одно единственное требование не
мстите за нас! Посмотрите на наши трупы и про
сите кто воил их? Может быть я может быт
мой враг? Скажите они хотели умереть чтоб
остановить месть Они погибли для того чтоб
двое врагов могли посмотреть друг другу в глаза
без ненависти и желания мстить И эта встреча
между врагами положит начало миру

Мари (кричит) Я иду с вами

Луи Никуда ты не пойдешь!

Мари Она верно говорит Вы пытаетесь оста
новить врага ценой своей жизни Она тоже И по
моему она поступает правильнее Может быть я
смогу спасти нашего мальчика Луи И тебя
тоже

Делеклюз Это равносильно поражению
ведь версальские солдаты будут действовать теперь
еще более дерзко и жестоко Они увидят здесь не
самопожертвование а лишь отчаяние

Луи (хватает ружье и целится в Габриэль)
Проклятая предательница!

Морс выбивает чужое ружье о о стреляет вверх

Габриэль Не надо ненавидеть нас за то что
мы ищем выхода Мы идем

Мари Идем!

На баррикаде взрывается сряд Луи и еще несколько че
ловек падают

Мари (бежит к нему) Луи! Они убили моего
мужа! Луи! Это я посмотри на меня Эти дьяволы
убили моего мужа Неужели мы поидем на мир с
ними! Я встану на твое место у митральезы Луи
Я буду стрелять за тебя

Слышны звуки Митральезы

Делеклюз (женщинам) Оляштесь Вот ра
ненные Страдают наши товарищи Не лучше ли
помочь им?

Некоторые из женщин бросают ружья к раненым др где хватают
ружья убитых Габриэль остается одна

Делеклюз Смотрите дом загорелся! Зна
чит ребята справились со своим делом

Морис Люсьен и Полина мотодцы

Ги и Роза Ура!

Делеклюз Наступают!

Мари стреляет из митральезы

Отлично Пусть знают что такое митральеза
Из ружей не стрелять пока не подоидут совсем
близко Не стреляйте пока не будут видны белки
их глаз

Пьер (к Габриэль) Я знаю что вы хотели
добра людям Но теперь положение таково что
доброта равносильна предательству (Поднимает ч
на баррикаду)

Начинается бой

Занавес

ЧЕТВЕРТЫЙ АКТ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Комната в штабе Тьер. Президент стоит перед группой офицеров, их мундиры сверкают золотым титлем и орденами.

Тьер. Господа! Я полагаю, вы разделяете мое возмущение позорной и терпящей на вчерашнем вечернем заседании Национального собрания. Мне осмелились задать вопрос: действительно ли я намерен открыть на восемь дней ворота Парижа, чтобы дать скрыться главарям Коммуны и таким образом добиться мирной развязки? Я уверен, вам уже известен мой ответ: продиктованный глубоким презрением. Так же я ответил и этим парижским бандитам, когда они захотели освободить кое-кого из своих людей, взятых нами в плен. Они предложили в обмен всех заложников, среди них и архиепископа Парижского. В противном случае они их казнят.

Офицеры и Тьер крестятся.

Я ответил категорически — нет. Мы не пойдём ни

на какие уступки. Если же они все-таки расстреляют архиепископа, то вызовут еще большее возмущение. Малейшее колебание было бы сейчас изменой родине и господа предать быством по отношению к армии. Я сумею создать одну из самых боеспособных армий, как вы видели Франция. И я твердо решит, что ее победа войдет в историю. Настанет день, когда мы начнем новую войну с немцами. И тогда для армии будет иметь огромное значение, что за ее плечами не поражение, а блестящая победа.

Генерал Галифе. Господи, президент! Сласть армии в том, что ее верховный командующий так дальнозвиден. Я лично думаю, что для укрепления морального духа войск необходима колоннальная война. Я знаю по Марокко и Китаю, что война — это как раз то, что нам нужно. Война с туземцами создает величественный моральный дух в армии.

Тьер. Мои дорогой генерал! Не оскорбляйте туземцев, сравнивая их с бандитами Парижа. Нет, мне не нужно посылать мою армию за море, чтобы придать ей ценнейшее качество — уверенность в победе. Но господа, то, что происходит сейчас в Париже, имеет более многообещающий переплет, чем это предполагает большинство из нас. Во время моей инспекционной поездки на фронт, я с исключительным интересом следил за работой митральезных подразделений. До конца ли ясно вам, господа, какое значение имеет это оружие для современного строя? В свое время усмуглянов могло быть известно соответствие между

идеями и их оружием. Они стали опасными со своими ружьями на баррикадах. Сегодня ружье — это очень мало, но это и все, что может приобрести себе неимущий. Митральеза — очень дорогое оружие, оно наше. Дерзость или боевой порыв противника теперь уже бесполезны. Сотни людей будут сметены с лица земли в одно мгновение одним-единственным солдатом, которого мы должным образом вооружим. В ответ на хаотичные стремления масс митральеза заговорит языком, который им следовало бы выучить, языком порядка и точности. Я вижу коренной перелом в ходе развития истории. Мы впервые поняли, что массы можно обуздать. В этом заключается глубочайшая справедливость. Когда праву собственности угрожает опасность, капитал порождает новую военную технику, обладающую особыми качествами: новое средство уничтожения, недоступное из-за своей высокой стоимости массам. Пусть чернь ломает мостовые, пусть идет на баррикады и щелкает из своих ружей. Она уже проиграла. Пусть она бунтует и сейчас и в дальнейшем. Чернь проиграла раз и навсегда. Наш долг, наша милость по отношению к бунтарям и их последователям заключается в том, чтобы заставить их осознать эту правду. Начинают ли бандиты понимать это?

Г а л и ф е. Они почти безразлично относятся к тому, что их расстреливают.

Т ь е р. Конечно. Они предпочитают умереть, чем жить и работать.

Г а л и ф е. К сожалению, среди них много женщин и детей. Их участие в мятеже является оскор-

блением для армии, к которой я имею честь принадлежать.

Т ь е р. Дети! Меня называли бессердечным, когда я выступил за применение детского труда на фабриках. Кто оказался прав? Кто лучше понимал человеческую натуру? Сейчас весь мир вынужден согласиться с тем, что я постоянно утверждал в тот момент, когда дети лишаются такой надежной защиты, какой является груд, не говоря уже о религии, они попадают во власть порока.

Г а л и ф е. Господин президент! Армия имеет к вам просьбу. Разрешите нам атаковать оставшиеся районы города сегодня и окончательно подавить мятеж.

Т ь е р. Нет. На это я не согласен. Вот мой план. Армия будет продвигаться вперед четырьмя эшелонами. Очень медленно и очень основательно. Каждая улица должна быть умиротворена полностью, прежде чем вы продвигаетесь вперед.

Г а л и ф е. Нельзя не учитывать того, что это умиротворение несколько первирует молодых и неопытных солдат.

Т ь е р. *(резко)*. Господин генерал! Я полагаю, что дисциплина в армии стоит на высоте?

Г а л и ф е. Разумеется. Когда солдаты начинают нервничать, расстреливая пленных, то я не возражаю, если с бандитов снимают одежду и рисуют мелом кружок вокруг левого соска на груди. После этого солдаты чувствуют себя более уверенно. Кружок похож на мишень, и у них снова появляется твердость в руках. Но не могу не признать, что атака была бы милосерднее.

Тьер У я могу с уверенностью утверждать, что это было бы менее эффективно. Я хочу, чтобы никто не мог ускользнуть и ударить нашим войскам в спину. Весь мой опыт убеждает меня в правильности такого решения.

Гатифе Вы как всегда привы, господин президент.

Всеобщее одобрение.

Тьер *(восторженно)* Я смею сказать никогда не теряется в самой сложной обстановке. И я надеюсь, что и в этом деле не дам промаха. Разрешите мне добавить, что руководить походом было для меня важнее, чем написать десять книг. Господа! Франция и я приветствуем вас!

Офицеры отдают честь и уходят.

Министр *(быстро входит в комнату)* Я пришел с очень неприятной — тишью для вас — вестью.

Тьер У меня нет иного горя, кроме горя Франции.

Министр Коммуна осуществила свою подлую угрозу. Ваш дом в Париже разрушен.

Тьер Вот как? Они заплатят за это кровью. *(В сторону двери)* Элиз! Выслушай и прими это спокойно. Варвары разрушили наш дом.

Входит госпожа Тьер.

Элиз Нет, больше наших салонов, где было собрано лучшее, что создала Франция. Моя сокровища искусства.

Министр О них позаботились. Курбе сохранил ваши коллекции.

Тьер Вот видите! Даже этот негодяй, разрушивший славу Франции, Вандомскую колонну, был вынужден преклониться перед моим художественным вкусом.

Министр *(держит в руках газету)* К сожалению. Он пишет.

Тьер *(хватает газету)* Как он смеет, как он смеет! *(Министру)* Скажите моему адъютанту, что я выезжаю к месту боя. Пусть выведут быструю кобылу.

Министр уходит. Тьер звонит. Входит лакей Шпоры!

Также уходит.

Госпожа Тьер Что же написал Курбе?

Тьер Он называет мои коллекции хламом. Он любит шутить миллишши Курбе. Может быть, ему придется настроиться и на серьезный лад. Он издевается над моей коллекцией репродукции картин и скульптур лучших мастеров мирового искусства. Ему, вероятно, больше нравится его собственная грязная мазня.

Госпожа Тьер О нет, в его картинах что-то есть!

Тьер Ты полагаешь, что это подлая момент для подобных заявлений?

Снова входит лакей. Тьер садится. Лакей надевает ему шпоры.

Мои картины! Они представляют собой культуру признанную и уважаемую всеми. Я уверен, что копия классического произведения в тысячу раз

лучше, чем любой модный оригинал. Эти классические творения пережили столетия. В каждом из них — трезвая оценка многих поколений. Сейчас они — наше духовное богатство. Они — часть нашего наследства, нашей опоры, нашего авторитета.

Госпожа Тьер. То, что ново сегодня, может быть станет наследством для будущего поколения.

Тьер. Ты сказала — может быть. Запомни одно, моя милая Элиз. Единственное, чем мы не можем владеть, — это будущее. Верить в будущее — значит отрываться от реальности, от существующего.

Такей надел Тьеру шпоры и вышел. Тьер встает и при-
топтывает ногами, пробуя, хорошо ли надеты сапоги.

Какая мне радость от того, что мои надежды на будущее сбудутся лишь через сто лет.

Госпожа Тьер. Ну, а если через сто лет случится что-нибудь хорошее, разве будет поздно?

Тьер. Я полагаю, что да. Несколько поздно для меня.

Госпожа Тьер. Возможно, ты думал бы иначе, не будь ты бездетным.

Тьер. Так, значит, это из-за меня у нас нет детей?! Ты считаешь, что это моя вина?

Госпожа Тьер. Конечно.

Тьер. Замечательно. В высшей степени замечательно. Разве у тебя не было любовников? Почему же у тебя не было любовников? Почему же у тебя не было детей от них? *(Отходит немного в сторону, глухо откашливается)*. Не говори ничего. Я верю тебе. Ты не могла это сделать. Только этого еще не хватало! А если я докажу тебе, что

у меня есть несколько внебрачных детей? Молчи! Разговор окончен.

Госпожа Тьер. О нет, не окончен. Ты бесплоден до мозга костей. Ты любишь только самого себя, ты не можешь и представить, что «кто-то» будет жить после твоей смерти. Вот в чем твое бесплодие.

Тьер. Суть этого возмутительного разговора в том, что ты защищаешь бандитов в моем собственном доме. Нет! Даже не в моем собственном доме, а там, где мы нашли пристанище, в то время как мой дом сравнен с землей.

Госпожа Тьер. Я не знаю их. Но иногда мне кажется, что им присуще что-то хорошее, стремление к свету, к жизни.

Тьер. Смею ли я спросить: почему ты так думаешь?

Госпожа Тьер. Потому что они ненавидят тебя.

Тьер презрительно смеется. Берет со стола хлыст и уходит. Слышна команда: «На кара-уль».
Звук горна, переходящие в военный марш, исполняемый вплоть до следующей картины.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Та же самая сцена, что в начале первого акта. Дома сильно разрушены. На мостовой — труны. Слева вверх по лестнице поднимается Риго. Его останавливает капитан Национальной гвардии, поднимающийся по лестнице справа.

Капитан Национальной гвардии. Гражданин Риго! Через десять минут версальские войска окружают тюрьму. Что делать с арестованными? Расстрелять?

Риго. Выведите их сюда. Они еще нам пригодятся. Может быть, версальцы прекратят свои зверские убийства, когда увидят, что здесь архиепископ и их близкие.

Капитан Национальной гвардии сбегает вниз.
Риго уходит налево.

Несколько коммунаров в окровавленных повязках, черные от порохового дыма, бегут вверх по лестницам по обеим сторонам сцены. Среди них Делеклюз, Габриэль Ланжевен и Пьер, раненный в плечо.

Пьер. Здесь надо строить баррикаду, гражданин Делеклюз?

Делеклюз. Мы окружены. Они могут ударить нам в спину.

Пьер. Тогда окопаться на кладбище! (К Габриэль.) Не хотите с нами — спрячьтесь!

Габриэль. Куда же девались дети? Мне надо найти их.

Все быстро поднимаются по центральной лестнице. Делеклюз идет медленно, с трудом. Останавливается, чтобы передохнуть.

Курбе (вбегает справа). Они подходят. Они убивают всех до единого человека. Что делать, Делеклюз? Помогите мне. Вы такой сильный и умный, Делеклюз.

Делеклюз. Друг мой! Боюсь, что уже никто не сможет вам помочь. Ваше имя стоит первым в списке тех, кого ненавидят офицеры, потому что вы разрушили Вандомскую колонну.

Курбе. Я не хотел разрушать ее. Я говорил — убери ее. Я имел в виду — поставьте ее в

другом месте. Кроме того, я готов нести полную ответственность перед потомками.

Делеклюз. Поймите, вы должны нести ее сейчас.

Курбе. Нести ответственность, за что? За кровь, пожары и трупы? У меня была мечта о справедливости, а вы так бездарно пытались воплотить ее в жизнь. Посмотрите на сегодняшний Париж, сравните его с моими собственными полотнами и скажите: разве это моя картина? Могу ли я отвечать за нее, могу ли я на ней поставить свое имя: Гюстав Курбе? Никогда!

Делеклюз. Все это можно выразить и проще: вы хотите изменить самому себе.

Курбе. Изменить? Когда я отвергаю одну из своих картин, когда я замазываю то, что не является отражением моей личности... разве можно это назвать предательством?

Варлен (входит). Вы здесь, гражданин Курбе? И живы? Странно.

Курбе (возмущенно). Это совсем не странно. Что вы хотите этим сказать?

Варлен. Я слышал крики с площади, где версальцы расстреливают пленных. Они кричали: «Смерть Курбе!» Я видел, как они поставили к стенке человека, очень похожего на вас. Я думал, что это были вы. Они ошиблись и расстреляли вместо вас кого-то другого.

Курбе. Это меня спасло! Они расстреляли другого! Больше они не будут искать меня. Я мог умереть, но только не так, не лечь в общую могилу. Я спасен. Поздравьте меня, друзья мои. Убили

другого! Это характерно для невежественной черни. Они должны знать, что есть только один Курбе.

Делеклюз. Боюсь, что вы правы. Есть только один Курбе, и солдаты сумеют его найти.

Варлен. Я тоже боюсь, что напрасно погиб тот несчастный, смерти которого вы так радуетесь.

Курбе. Я не верю вам. Они не ищут Курбе. Он умер для человечества.

Делеклюз. Только одно может спасти вас.

Курбе. Что? Скажите мне, что?

Делеклюз. То, что вас не примут всерьез.

Курбе. О! Я могу привести свидетелей для этого. Никто не принимает меня всерьез. Все говорят: «Хвастун Курбе, толстый и смешной Курбе. Он не может быть на баррикадах».

Делеклюз. А где же чувство собственного достоинства?

Курбе (*спотыкаясь о труп*). Для чего этому мертвецу собственное достоинство? А я ношу в себе сюжеты новых картин, которые требуют воплощения! Вот мое достоинство. Только я могу написать эти картины. И я хочу спасти их для человечества. (*Подбегает к Делеклюзу и хватает его за плечи.*) Поймите же! Я хочу жить. Я хочу еще раз увидеть свой родной Орнан. Я хочу поклониться земле, взять в руки ее комочек и целовать и благословлять его.

Делеклюз. Вот вам моя рука, Курбе!

Курбе (*обнимает его*). Прощай, друг мой! (*Убегает.*)

Делеклюз (*смотрит ему вслед*). Таких людей часто называют трусами. А разве он трус? И вообще существуют ли трусливые люди? Трусость! Просто человек сомневается в необходимости поступить именно так. Курбе сомневался, и это было неизбежно. (*Улыбается.*) Даже его чрезвычайное хвастовство — разве оно не необходимо для самоутверждения в такое время, которое могло раздавить его своим непониманием. Всего тебе хорошего, Курбе!.. Варлен! Друг мой! Вы молоды. Вы благородны. Вы нужны жизни. Вы не должны погибнуть в этой войне. Попробуйте скрыться.

Варлен. А вы сами, Делеклюз?

Делеклюз. Я — другое дело. Я командир и должен разделить судьбу своих солдат.

Вбегают Ги и Роза.

Ги. Где же остальные? Ты не знаешь, куда девался Морис?

Делеклюз. Нет, дитя мое!

Роза. Мориса убили! Что мы будем делать? Мориса убили!

Делеклюз. Дети, попробуйте скрыться!

Ги. Нет. Мы хотим быть вместе со всеми.

Убегают вверх по центральной лестнице.

Делеклюз (*смотрит им вслед*). Если мы умрем, Варлен, то с верой, что наша борьба была не напрасной для будущих поколений.

Варлен. Они убьют и этих детишек!

Делеклюз. Даже если бы им удалось убить всех детей, я все равно не потерял бы веры в будущее. А теперь прощай! Я должен еще держаться. *(Пожимает Варлену руку и медленно, с трудом идет вверх по лестнице.)*

Риго *(вбегает слева)*. Почему вы без красной ленты, Варлен? Я не ношу ее в будни, но в этот праздничный день я приколот ее. Или, может быть, вы собираетесь удрать, как ваш друг Беле?

Варлен. А где Беле?

Риго. Где-нибудь возле швейцарской границы.

Варлен. Вот и хорошо. Здесь ему не место.

Риго. Его спас директор Государственного банка. Эта парочка была неразлучной. Я уверен, что именно здесь его место, у стенки. Я бы с удовольствием застрелил его своими руками.

Варлен. Беле — самый добрый человек из всех, кого я знал.

Арестованный архиепископ, три священника и еще два человека в литатском поднимаются под охраной солдат вверх по левой лестнице. Вокруг арестованных толпа угрожающих им людей.

Варлен устало садится за один из разбитых столиков перед кафе и кладет голову на руки. Риго смотрит на арестованных, проходящих мимо него, затем входит в разрушенное кафе.

Одновременно вверх по лестнице справа вбегают Люсьен, Полина и Рене.

Люсьен *(в смертельном ужасе)*. Полина! У меня нет больше патронов. Я был дураком, стрелял в каком-то бреде. Мне нужно всего два патрона, черт бы их побрал! *(Бросается к трупам и ищет у убитых патроны. Затем обращается к Рене.)*

Есть у тебя патроны? Давай сюда патроны, свинья! Я хочу стрелять, когда они нас схватят. Им не удастся поставить нас к стенке. Боже мой! Неужели нельзя найти всего два патрона?

Полина. Мы вместе, Люсьен, да?

Люсьен. Конечно! Им не удастся растерзать нас.

Полина. Надо бежать на кладбище. Они, наверное, уже окружают нас. Мы будем там вместе со всеми нашими.

Люсьен. Я боюсь умереть так. Я не могу лежать там без патронов и ждать, когда они придут. Я не хочу умирать.

Полина. Ты помнишь наше кладбище?

Люсьен *(подходит к ней)*. Я хочу быть рядом с тобой, Полина!

Полина. Конечно, ты будешь рядом со мной, Люсьен! Мы найдем там хорошее местечко, будь уверен. И я успокою тебя, родной мой!

Рене. Куда же вы? Не оставляйте меня!

Люсьен. Зачем ты нам нужен?

Рене. Я хочу с вами.

Люсьен. Убирайся к черту! *(Толкает его и убегает вместе с Полиной наверх.)*

Риго выходит из кафе с бутылкой коньяка. Стоя спиной к публике, он провожает взглядом колонну арестованных. Затем поворачивается.

Рене. Риго! Как хорошо, что ты пришел. Мне так одиноко.

Риго *(наливает коньяк в стакан)*. Что, и знать тебя не хотят?

Рене. Все меня покинули.

Риго. Ты жил за счет других. Ты шел к людям, потому что не мог оставаться наедине с самим собой. Ты хотел, чтобы люди защищали тебя от тебя же самого. А сейчас уже здесь нет больше людей. Пора тебе подвести итог. Что у тебя осталось? Кто ты?

Рене. Научи меня умереть, Риго.

Риго. Надо уметь презирать что-нибудь! Собери для этого все остатки своей страсти и претвори их в презрение! *(Собирается уйти налево.)*

Рене *(устремляется к нему)*. Куда ты идешь?

Риго. Перемени-ка тон, черт бы тебя побрал! Я тебе не Сильвия.

Рене. Каким надменным я был, Риго! Был резок с ней. Как я мог допустить, что живой человек ушел от меня. Быть может, я не остался бы сейчас один. Если я буду жить, я стану таким покорным. О, я бы так берег жизнь!

Выстрел. Рене падает сраженный пулей в грудь.

Риго. Ого! Версальские шпионы осмелели. *(Кричит по направлению к дому.)* Эй, там! Слишком рано начали. Мы положим этому конец! *(Одним прыжком вскакивает с левой стороны наверх.)* Расстрелять арестованных!

Отступающие коммунары взбегают вверх по лестнице справа и устремляются туда, куда увели арестованных.

Коммунары. Правильно, расстрелять их!

— Пусть знают версальцы, что мы умеем мстить.

— Тогда они уже не смогут предать нас.

— Отомстим за убитых товарищей.

Варлен *(пытается остановить их)*. Остановитесь! Это же убийство!

Риго *(отталкивает его в сторону)*. Убирайтесь прочь! Вы и раньше вставали на моем пути. Может быть, десятки тысяч людей были бы спасены, если бы я парализовал версальцев террором. Смотрите, вы, мягкотелый палач, до чего дошло ваше человеколюбие! *(Кричит.)* Расстрелять их всех до единого!

За сценой выстрелы.

Варлен. Что за война!

Риго. Архиепископ свалился. Уж если я в этом мире и не сделал ничего хорошего, так хоть его убил. Пусть они знают, что мы можем расстрелять их архиепископа с таким же равнодушием, с каким они убивают простого рабочего. У людей стало одним предрассудком меньше.

Варлен. Они ответят нам двойной жестокостью.

Риго. Наоборот. Когда убийцы из Версаля узнают, что мы наконец перестали щадить их злодеев, это обуздает их.

Варлен. И у вас еще хватает смелости говорить «убийцы»?

Риго. Конечно. Но я вкладываю другой смысл в это слово, чем вы. Нужно уметь отличать целесообразное уничтожение от бессмысленного.

Коммунары *(входят слева)*. Теперь они уже не смогут больше вредить нам.

— Да здравствует Коммуна!

Уходят вверх по средней лестнице.

Варлен. Вы уже конченный человек. Но подумайте о тех, кого вы заставляете убивать беззащитных. Неужели это будет их последним воспоминанием, когда их поставят к стенке?

Риго. А что они от этого потеряют? Они знают, что жили в мире, залитом кровью. Не жаль и покинуть его. Можно ли желать большего?.. Уже идут! *(Презрительно.)* Бегите, граждане Варлен, бегите!

Варлен. Мне уже некуда бежать. Да я и заслужил смерть.

Риго. И раскаиваетесь перед смертью? Изменяете Коммуне? Вы к этому клоните?

Варлен. Нет. Как и вы, я виноват в терроре. Моя собственная жизнь обвиняет меня, мои пустые, бесплодные минуты. Меня приговорили к смерти все те дела, которые я не сумел выполнить в жизни. И это справедливо.

Версальские солдаты штурмуют лестницы. За ними следуют возбужденные люди в штатском. Среди них выделяется красивая, элегантная молодая женщина. Это Сильвия Жерар.

Лейтенант. Это Риго?

Риго. Да, я Риго.

Католический священник. А это Варлен, член Коммуны.

Лейтенант. Вы Варлен?

Варлен. Да.

Толпа готовится к расправе над пленными.

Лейтенант. Разогнать эту чернь! *(Солдатам.)* Расстрелять их!

Раненый Рене, лежащий у стены, немного приподнимается и смотрит безумным, испуганным взглядом. Риго и Варлен встают у стены. Солдаты прицеливаются.

Риго. Долой убийц!

Варлен. Да здравствует Коммуна!

Залп. Риго падает.

Варлен *(медленно опускается на колени)*. Да здравствует Коммуна! *(Умирает.)*

Сильвия Жерар *(цепляется за лейтенанта в диком, садистском опьянении)*. Какой ты чудесный! О! Любимый мой! Все это так замечательно.

Рене *(видит Сильвию)*. Сильвия. Помогни мне, Сильвия! Ты пришла ко мне, Сильвия?

Лейтенант. Мадемуазель Жерар! Один из мятежников, очевидно, знает вас!

Сильвия. Я не знаю никого из них. Никого!

Лейтенант вынимает револьвер и стреляет Рене в голову.

Смерть извергам! Они пытались отнять у нас все: религию и радость. Смерть им! Разве я не красива? Разве я не имею права на большую роскошь, чем другие? Эти дьяволы хотели, чтобы мы все стали равны. Сначала бедные, а потом старые. Вот такую жизнь они стремились навязать нам. Разрешите мне стоять рядом с тобой, когда ты расстреливаешь их! Так приятно слышать их стоны и видеть, как они умирают. Они хотели, чтобы под их властью мы только стонали и содрогались. Им

нечего было дать взамен утраченного. Отомсти за нас. Я люблю тебя!

Лейтенант. Солдаты! Будьте осторожны! Не трогайте их пищи. Она отравлена! Не входите в дома. Они взрывают их!

Солдат *(вбегает слева)*. Архиепископ убит!

Все крестятся.

Толпа. Смерть им!

Лейтенант. Прежде чем двинемся дальше, надо все очистить. Нельзя допустить, чтобы эти мерзавцы ударили нам в спину.

Брижо *(указывает на одного человека)*. Вот он участвовал в расстреле заложников. *(Указывает на первую женщину.)* А она всегда была заодно с коммунарами.

Первая женщина. Я невиновна.

Брижо *(указывает еще на одного человека)*. Вот еще один!

Первая женщина. Я ненавижу Коммуну! Бог свидетель. А вон того надо расстрелять! Нечего их жалеть!

По лестнице поднимается Галифе и отдает Сильвии честь.

Лейтенант. Архиепископ убит.

Галифе. Поставьте всю эту банду в один ряд. Пусть вытянут вперед руки. Я хочу посмотреть, у кого на руках пороховая гарь.

Сильвия Жерар следует за ним вдоль выстроившихся людей, улыбаясь и восхищаясь им, подзадоривая его.

(Указывает на первую женщину.) Убрать ее!

Первая женщина. О нет. У меня двое маленьких детей. Я невиновна.

Галифе. Мадам. Я бывал во всех театрах Парижа, и такие сцены мне хорошо знакомы.

Женщину уводят.

Сильвия. Вы благодетель, генерал. Вы уничтожаете нищету.

Галифе *(останавливается около маленького, очень некрасивого человека)*. Какое невероятно уродливое лицо! Уведите его!

Человека уводят.

(Указывает хлыстом на седого человека.) Убрать!

Седой человек. Я не коммунар. Мне уже за шестьдесят, а Коммуна никого старше шестидесяти не брала в солдаты.

Галифе. Верно. Всем, кому больше шестидесяти лет, выйти вперед!

Пять-шесть человек, полные надежды, выходят вперед.

Уведите их. Они могли не участвовать в мятеже и все же участвовали. Их надо расстрелять в первую очередь.

Из окна кто-то стреляет в Галифе.

Лейтенант. Генерал! Вам прострелили фуражку! *(Сержанту.)* Предательский выстрел вон из того окна! Возьмите с собой пять солдат и расстреляйте того, кто стрелял.

Галифе *(останавливает их)*. Не нужно его наказывать. Я всегда поощрял хорошую стрельбу, а этот человек сделал неплохой выстрел.

Сильвия и солдаты. Да здравствует Галифе!

Галифе. Солдаты! Осталось взять только кладбище, и цель достигнута. Порядок, мир и цивилизация победили. Вперед!

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Кладбище. Участок у самой стены. За могилами лежат Полина и Люсьен. Габриэль перевязывает плечо Пьеру. Ги и Роза сидят, дрожа от страха. Несколько раненых и убитых. За одной из могил лежит человек с ружьем наизготовку. Вдали слышна стрельба. Сцена представляет собой великолепное яркое зрелище пышно расцветающей весны.

Полина. Ну как дела, Пьер?

Пьер. А, ерунда! Все в порядке!

Тишина.

(К Габриэлю.) Слушайте! Вы не должны оставаться здесь! Попытайтесь выбраться. Помашите солдатам платком и идите им навстречу. Может быть, они и не убьют вас.

Габриэль. Мое место здесь, с вами.

Пьер. Нет. Вы неправы!

Габриэль. Нет, права. Я всегда это чувствовала. А сейчас у меня так легко на душе, потому что людей убиваем не мы, а другие... Ребята, попробуйте еще раз! Ги, возьми Розу за руку и бегите вперед. Может быть, они вас пропустят.

Роза. Не пойдем. Они так страшно начали стрелять, когда мы недавно попробовали уйти отсюда.

Ги. Мы не хотим быть одни.

Полина. Конечно, оставайтесь здесь, ребята.

Ги. Куда это девался Морис?

Пьер. Он придет!

Полина. Еще бы. Конечно, придет. Морис всегда выходил из любого положения.

Ги. Мы совсем не боялись, когда Морис был здесь.

Роза. Он читал нам надписи на крестах.

Габриэль. Хотите, я вам почитаю?

Ги. Не надо. Когда читает Морис, у него это очень хорошо получается.

Дети ползут обратно на свое место.

Полина (Люсьену). Слышишь, перерывы в стрельбе. Мне кажется, у наших ребят скоро не останется патронов.

Люсьен. А! Пусть теперь идут эти мешки с навозом! Мне так хорошо с тобой, Полина! Так приятно лежать здесь у тебя на коленях и смотреть на твою грудь. Ты знаешь, она у тебя полнее стала за последние месяцы.словно к солнцу рвется. Тебе хорошо?

Полина. Хорошо!

Люсьен. А мне еще лучше. Это тебя не огорчает?

Полина. Нет.

Люсьен. Может быть, тебе лучше?

Полина. Конечно!

Люсьен. Вот это хорошо.

Полина. Тебе нравится?

Люсьен. Конечно. Знаешь, о чем я сейчас думаю? О том, что нам обоим так хорошо сейчас. Так мы лучше пойдем, что такое смерть. Все вдруг в тебе замирает, и нет у тебя никаких желаний. Вот это, мне кажется, и есть смерть.

Слышны выстрелы. Несколько пуль попадает в стену кладбища.

Что такое? Как будто они не могут подойти ближе и стрелять как следует. Это действует на нервы.

Ги. Смотрите, Морис!

Появляется Морис, прыгает через могилы и останавливается за одной из них.

Роза. Морис!

Радостные возгласы со всех сторон.

Морис. Я уж думал, черт возьми, что не найду вас. Так плохо быть одному.

Роза. Правда-правда!

Морис. А потом кто-то сказал, что вы тут. Вот я обрадовался! Но они чуть-чуть не попали в меня.

Роза. Они убьют нас, да?

Морис. А не все ли равно! Они всех убивают. Остаться в живых не стоит. Будет так неудобно и неуютно жить. Что бы ты стала делать на улице, если бы все ребята исчезли отсюда и не с кем было бы играть?

Роза. А это не больно?

Морис. Нет, если ты будешь стоять тихо и дашь им хорошенько прицелиться в тебя.

Роза. Я боюсь, я очень боюсь.

Морис. Как ты себя ведешь? Это вместо благодарности за то, что тебе разрешили быть вместе со мной и Ги! Ведь мы вовсе не каждую девчонку взяли бы с собой. Подумай-ка об этом.

Ги (*показывает на один из крестов*). Слушай, прочитай нам, что там написано!

Морис (*Розе*). Если ты хочешь, я прочитаю.

Роза. Хочу.

Морис. Тут написано: «Жозеф Андре», а наоборот если прочитать, то — Эрдна Фезож. «Родился в тысяча восемьсот шестьдесят втором, умер в тысяча восемьсот семидесятом». Ему было только восемь лет. Он был не старше тебя. Этому Жозефу сейчас лучше, чем многим нашим ребятам на улице. Над ним растут цветы и травка. И над нами тоже будут расти цветы, если нас здесь похоронят. Нужно только раз копнуть лопатой, и все. А Жозеф-то как обрадуется, когда к нему явится целая компания.

Дети смеются.

Посмотрите-ка на муравьев, ребята. Что это за белые камешки они ташат на себе?

Габриэль. Это муравьиные яички.

Морис. А куда они ташат?

Габриэль. Они все время их перетаскивают с места на место, чтобы солнце обогревало яички со всех сторон.

Морис. Никогда не видел ничего подобного. До чего же ловкие букашки — вот чертенята!

А смотрите-ка, на кресте паук. Сплел себе длинную, тонкую паутину и качается. Смотрите, ветер раскачал его, а он уцепился за другую веточку. Вот привязал еще одну паутинку. Вот и рамка готова...

Габриэль *(склоняется над Пьером)*. Ну, лучше тебе теперь?

Пьер. О, намного лучше! Сейчас я чувствую себя совсем готовым к расстрелу. Уходите! Благослови вас бог. Через пять минут все будет кончено.

Габриэль. Любая вещь, мой друг, лишается всякого смысла, если смотреть на нее глазами смерти. Ребенок, которого рождает женщина, обречен стать скелетом. Цветы увянут. Но ведь мы можем рассматривать как одно целое и цветы и ребенка. И тогда все это будет самой жизнью. Это зависит от точки зрения. Мы можем смотреть на траву, на небо, на солнце так, как будто мы бессмертны.

Человек, лежащий с ружьем, неожиданно приподнимается и со стоном падает.

Роза. Он умер, да?

Морис. Можно подумать, что ты никогда раньше не видела, как умирает человек. Да, он мертв, как камень. Но на это тебе стоит посмотреть. Это, пожалуй, самое интересное, что я когда-либо видел.

Слышится глухая неприятная музыка. Словно преследуемые ею, входят Делеклюз и другие коммунары. Музыка прекращается.

Делеклюз. Это конец. Они ждут генерала Галифе, а затем начнут атаку. Таков конец Коммуны. Больше чем кто-либо другой, я несу ответственность за этот ужас и смерть. Вы ненавидите меня?

Морис. Ты всегда был честным человеком, Делеклюз! *(Продолжает рассматривать паутину.)*

Люсьен. Да, это правда!

Пьер. Вы понимаете, Делеклюз! Раньше, дома, у нас в жизни был только изнурительный труд и страх перед завтрашним днем. Изнурительный труд и пьянство, и, наконец, приходила смерть, самое бесполезное и отвратительное в жизни человека. А сейчас все изменилось. Сейчас жизнь стала чем-то большим, великим. Теперь больно оставлять ее, и есть за что умирать.

Габриэль. Да, это так!

Делеклюз. Друзья мои, вы хотите помочь мне?

Пьер. Нет.

Делеклюз. Скоро мы умрем. Я неверующий. Те, кто верует в бога, покидают землю, чтобы оказаться там, куда направлены все их надежды. А мы уйдем отсюда спокойно. Потому что мы хотим, чтобы наша надежда осталась здесь, на земле. Надежда остается в этом мире. Эти... там... могут выжечь траву своими снарядами, но им никогда не удастся уничтожить великую способность земли покрываться зеленью.

Люсьен. Но те, кто пойдет по нашим следам, должны иметь лучшее оружие. В следующий

раз надо победить, победить, победить во что бы то ни стало.

Делеклюз. Добро может восторжествовать только через насилие. Мы познали эту горькую истину. Наши дети, которые отомстят за нас, должны быть нечеловечески мужественными.

Габриэль. Делеклюз! Разве есть на свете более жестокое требование к человеку, чем быть бесчеловечным?

Делеклюз. Нашим потомкам придется жить и бороться в ужасное время. Их будут калечить! Им будут выкалывать глаза! Их будут убивать! Но лучше все это, чем утратить желание стать свободным человеком.

Габриэль. Вы думаете, наши потомки должны будут убивать и умирать для того, чтобы добиться справедливости?

Делеклюз. Им предстоит борьба. Законы развития жизни сильнее нас.

Габриэль. Значит, мы должны сделать человека сильнее законов жизни. Чего не в состоянии добиться человеческий разум? Он может заставить угнетенных верить, а угнетателей сомневаться.

Издали, откуда приближаются версальские войска, слышится глухая барабанная дробь и музыка.

Делеклюз. Не думаете ли вы, что и сегодня у нас есть какие-то основания верить в возможность примирения людей?

Габриэль. Нет, я верю только в непримиримость. Каждый, кто будет мыслить и трудиться

после нас, кто пойдет по нашему пути, узнает, что есть только одна защита от ужасов жизни — непримиримость человеческого разума с несправедливостью.

Пьер. Правильно.

Морис (*с воодушевлением*). Ну какой же умный этот паук... прямо целая ткацкая фабрика.

Роза. А как красиво паутина блестит на солнце!

Люсьен (*Полине*). Наконец-то они начали двигаться. Ты знаешь, чему я радуюсь? Тому, что у нас все же не осталось патронов. Если бы мы стреляли, они, возможно, пошли бы в атаку и подняли нас на штыки. А теперь можно спокойно стоять и ждать. Ты недовольна этим?

Полина. Нет, почему же?

Делеклюз (*поднимается*). Они приближаются.

Ритмичная, мрачная музыка становится громче. Звучит тема девятой симфонии Бетховена.

Роза. Теперь они нас убьют.

Ги хочет сорвать паутину. Морис останавливает его.

Морис. Оставь ее.

Ги. Они ведь убьют нас сейчас. А паутину я порву.

Морис. Не нужно. Пусть паук закончит ее. (*Поднимается и говорит остальным*.) Только держитесь вместе со мной, слышите?!

Словно подгоняемые музыкой, все медленно, шаг за шагом, отступают назад к стене.

Делеклюз. Наконец-то! Больше нет ни страха, ни поражений, ни тюрем. Остается только стоять, смотреть на небо, вспоминать и надеяться под защитой смерти. Больше уже ничего не нужно делать.

Люсьен. Спасибо тебе за все, Полина!

Полина (*берет его за руку*). Спасибо тебе!

Габриэль. Делеклюз, мы еще кое-что должны сказать им.

Делеклюз. Кому?

Габриэль. Тем, кто будет стрелять в нас. Идите сюда, ребята, мы скажем им о будущем, о нашей непреклонной вере в него.

Морис. Каким же образом?

Габриэль. Они поймут это по нашей улыбке.

Морис. Мы будем улыбаться после смерти.

Атакующие солдаты остановились.

Люсьен. Теперь осталось только спокойно стоять и выдержать до конца. Теперь они могут поторопиться. Хорошо. Вот так!

Тень от ружей солдат падает на стену. Грохот барабанов. Гаснет свет. В этот же момент бетховенская тема освобождается от сопровождения барабанов и медленно затихает в чистом, мощном заключительном аккорде.

Занавес

КОММЕНТАРИИ

В обширном и многожанровом творческом наследии Нурдаля Грига драматургия занимает важное место. Она имеет «совершенно особое значение для норвежского театра»¹; замечательный писатель привнес в театр качественно новые темы и идеи, он стал основоположником норвежской пролетарской драматургии. Некоторые критики считают, что в пору своей творческой зрелости Григ вплотную подошел к овладению методом социалистического реализма. Так, например, Мартин Наг заявляет: «Эту пьесу («Наша честь, наше могущество». — В. М.) можно назвать первым произведением социалистического реализма в норвежской литературе»².

Перу Грига принадлежат шесть драм (кроме того, он почти закончил пьесу, посвященную норвежскому поэту-романтику XIX века Хенрику Вергеланну, но во время обыска, который фашисты произвели в доме Грига в первые дни оккупации Норвегии, рукопись бесследно исчезла). Нурдаль Григ — драматург прошел трудную, но последовательную и бесповоротную эволюцию от идейной растерянности к марксистскому мировоззрению, от экспрессионистской драмы к созданию грандиозных революционных полотен.

¹ М. Наг, Норвежский театр на распутье, «Театр», 1959, № 2, стр. 171.

² М. Наг, Нурдаль Григ, «Литературная газета» от 4 декабря 1958 г.

Обращение Грига к драматургии было не случайным: еще в начале 20-х годов он активно работал театральным рецензентом, упорно познавал секреты сцены. Однако первая его драма, «Любовь юноши» («En ung mand's kjærlighet», 1926), написанная в стиле модных тогда декадентских пьес, была неудачна. Действие ее происходило вне времени и пространства; конфликт был основан на интимных переживаниях героя, полюбившего одновременно двух женщин. Автор далек был от постановки каких-либо социальных проблем.

В 1927 году Григ в качестве корреспондента газеты «Тиденс Тейн» посетил Китай. События революции 1924—1927 годов, борьба китайского народа с иноземными поработителями, к которой норвежский писатель отнесся с горячим сочувствием, — эти конкретные события преломились сквозь призму отвлеченного, библейского сюжета драмы «Варавва» («Vagabass», 1927). В этой драме с полной очевидностью сказалось увлечение Грига экспрессионизмом, которое скрывало его, вело к несоответствию между высокогражданственным содержанием и условностью формы. Буржуазная критика так или иначе пыталась завуалировать политическую тенденциозность «Вараввы», умышленно не хотела замечать принципиальной разницы между двумя ранними драмами Грига. Эдвард Станг, например, писал: «Его первые пьесы — «Любовь юноши» и «Варавва» — пронизаны единым лирическим пульсом и носят сильнейший отпечаток юношеской горячности и непосредственности»¹. Вскоре после написания драма была поставлена Национальным театром в Осло. Премьера, прошедшая весьма успешно, положила начало постоянному и плодотворному содружеству драматурга с коллективом ведущего норвежского театра. К участию в постановке всех григовских пьес привлекались крупнейшие мастера национальной сцены: Иоханна Любвад, Агнес Мувинкель, Герд Эгед-Ниссен (впоследствии жена Грига), Август Оддвар, Харалд Стурмоен, Хенрик Борсет, Хальфдан Кристенсен, Ханс-Якоб Нильсен и другие. Каждый спектакль становился событием не только в театральной, но и в политической жизни страны.

Следующая драма Грига, «Атлантический океан» («Atlantehavet», 1932), знаменовала решительный переход автора на позиции реализма. В ней «Григ... развенчивает буржуазный индивидуализм, призывает к активной борьбе против вопиющих несправедливостей буржуазного строя»¹. Продолжая сатирические традиции Ибсена и Бьернсона, драматург разоблачает продажную печать, которая в капиталистическом обществе превращается в средство наживы. Спектакль, показанный Национальным театром в том же году, убедительно передал основную идейную концепцию произведения. В СССР пьеса вышла отдельным изданием (Н. Григ, Атлантический океан, М., Гослитиздат, 1935).

В 1932—1934 годах Нурдаль Григ живет в Советском Союзе, он с жадностью изучает все области общественной и культурной жизни первого социалистического государства, особенно театр. Именно в этот период дарование драматурга становится особенно мужественным, героичным и политически четким. Григ открыто выступает поборником партийного, тенденциозного искусства: «Аполитичное искусство совсем не аполитично — оно чрезвычайно полезно тем, кто хочет отвлечь внимание народа от основных, решающих вопросов»².

«Наша честь, наше могущество» («Vår ære og vår makt», 1935) — это эпическая народная драма, откровенно агитационная, проникнутая революционным пафосом. Свою высокую задачу драматург видел в том, чтобы на материале конкретной действительности раскрыть антинациональный, антинародный характер норвежской буржуазной системы и выразить твердую уверенность в грядущей победе пролетариата.

Великий датский писатель М. Андерсен-Нексе писал: «Пьесы «Наша честь и наше могущество», «Поражение», — с какой страстью он описывает в них борьбу рядового человека с силами зла и тьмы»³. Драма была настолько ярким

¹ Н. Крымова, В. Неустроев, Нурдаль Григ, в кн.: Н. Григ, Избранное, М., 1953, стр. 6.

² Н. Григ, Избранное, М., 1953, стр. 183.

³ М. Андерсен-Нексе, Памяти Нурдаля Грига, «Знамя», 1944, № 4, стр. 154.

явлением в норвежской литературе, что даже реакционная критика вынуждена была признать ее в принципе и возражать очень осторожно. Э. Станг писал в таких тонах: «Социальные и политические тенденции в пьесе радикальны и односторонни. Его отношение к тем, кто содействует войне и другим бедствиям, безжалостно»¹.

С большим трудом удалось актерам Национальной Сцены и Национального театра в Осло отстоять право на постановку драмы. Жестокая борьба разгорелась вокруг спектаклей. Как вспоминает Герд Григ, во время премьеры в Бергене «зрительный зал был похож на кипящий котел»². С огромным успехом, более шестидесяти раз, прошел спектакль в Осло. Вскоре состоялись премьеры в Копенгагене и Стокгольме. На русском языке драма издавалась дважды (Н. Григ, Наша честь и наше могущество, М., Гослитиздат, 1936, и в кн.: Н. Григ, Избранное, М., Гослитиздат, 1953).

«ПОРАЖЕНИЕ»

(«Nederlaget»)

«Дело Коммуны — это дело социальной революции, дело полного политического и экономического освобождения трудящихся, это дело всесветного пролетариата. И в этом смысле»

¹ N. Grieg, Veien frem, Oslo 1947, s. 49.

ле оно бессмертно»¹, — писал В. И. Ленин. Именно таково основополагающее звучание драмы «Поражение».

Григ закончил работу над пьесой в канун 1937 года. К тому времени уже в полном разгаре была фашистская интервенция в Испании, и, как свидетельствует публицистика писателя, все его помыслы устремились туда, на передний край битвы за демократию. Органическую связь драмы с испанскими событиями отмечают все исследователи без исключения, настолько она очевидна. В процессе создания пьесы Григ прочитал большое количество исторических материалов, архивных документов; как указывает К. Хильт, «Григ предварительно тщательно изучил произведения классиков марксизма о Парижской коммуне»². Все это помогло ему правдиво раскрыть героическую деятельность коммунаров и причины их гибели. Среди персонажей — реальные деятели Коммуны: журналист Шарль Делеклюз (1809—1871), переплетчик, профессиональный революционер Эжен Варлен (1839—1871), делегат Комитета общественной безопасности Рауль Риго (1846—1871), примкнувший к коммунарам из патристических побуждений кадровый офицер Натавиель Росель (1844—1871), старейший и наиболее законный в своей мелкобуржуазной ограниченности член Коммуны Шарль Беде (1795—1878), художник Гюстав Курбе (1819—1877). Изображены и душители Коммуны — глава реакционного правительства Адольф Тьер (1797—1877) и генерал Гастон Галифе (1830—1909).

Точно, в строгом соответствии с исторической правдой воссоздавая дух эпохи, Григ весьма вольно и субъективно наделяет некоторых персонажей чертами и взглядами, несвойственными их реальным прототипам. Так, в свете последних работ советских историков возражения вызывает авторская трактовка образа Риго. Будучи бланкистом, то есть предпочитая диктатуру кучки заговорщиков широким социально-экономическим преобразованиям, действительный Рауль Риго тем не менее был последовательным революционером, настаивавшим на необходимости разумного террора и

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 17, стр. 115.

² «Правда» от 19 мая 1937 г.

подавления враждебных элементов. Нельзя согласиться и с той характеристикой, которую автор дает Гюставу Курбе, по существу, дискредитирующей личность великого французского художника. Но это ни в коей мере не означает, что писатель задался целью исказить и опорочить облик Риго или Курбе как таковых. Объяснение причин субъективного истолкования некоторых деятелей Коммуны лежит в самой идейной концепции произведения. В задачи драматурга входило не только воспеть Коммуну, но и показать те ошибки, которые привели к ее поражению. Особенно пристальное внимание он обратил на две равно гибельные для Коммуны тенденции: нерешительность, пацифистскую мягкотелость, излишнее великодушие к врагам у одних и недооценку всей важности ломки существующего социально-экономического уклада, сведение конечной цели к физическому уничтожению противника у других. Именно носителями и выразителями этих тенденций, а не воссозданными с документальной точностью историческими лицами выступают в драме и Риго, и Варлен, и Курбе, и другие.

«Поражение» было исключительно высоко оценено критикой. Прогрессивный норвежский писатель Йухан Борген считает, что «Поражение» — самая значительная пьеса Грига, а также всей скандинавской драматургии¹. Аналогично высказывание такого ортодоксального литературоведа, как У. Сторстейн: «Поражение» — самая значительная его пьеса, драматический рассказ о короткой, лихорадочной и героической жизни Парижской коммуны, озаренный кровавым отблеском испанской трагедии»².

Спектакль, впервые показанный Национальным театром 25 марта 1937 года, был большим творческим достижением постановщика — выдающейся норвежской актрисы А. Мувинокель и всего коллектива в целом. Из исполнителей пресса особенно выделяла И. Хауге (Делеклюз), А. Оддвара (Риго), Г. Эгге-Ниссен (Габриэль), Х. Стурмоена (Тьер), Уле Греппа (Морис). Центральным событием сезона

1958/59 года явилась премьера Народного театра, который, несмотря на свои скромные возможности, создал масштабный, талантливый спектакль.

Драма издавалась на английском, немецком и чешском языках. В СССР переведена впервые.

Стр. 142. Митральеза (от франц. mitraille — картечь) — первый тип скорострельного оружия, предшествовавший станковому пулемету.

Стр. 166. Дантон, Жорж Жак (1759—1794) — выдающийся деятель Французской буржуазной революции конца XVIII века.

Стр. 170. Здесь Н. Григ допускает фактическую ошибку. У Коммуны не было постоянного председателя. Беле лишь председательствовал на первом заседании Коммуны.

Вл. Матусевич

¹ Johan Borgen, Nordahl Grieg, Stockholm, 1944, s. 146.

² „Vår tids kust og digtning i Skandinavia“, Oslo, 1948, bd. I.